

The background of the cover is a detailed illustration. At the top, a massive, dark, gothic-style cathedral with multiple spires rises from a sea of white and grey clouds. A large, glowing orange sun or moon is positioned behind the cathedral. In the foreground, a figure wearing a brown robe stands with their back to the viewer, looking out over a vast, blue, mountainous landscape. The figure is holding a long, thin staff or cross. The landscape features jagged, blue-grey mountains and a body of water. The entire scene is framed by ornate, classical-style architectural elements on the left and right sides.

Владимир
Вейс

Исповедь замученного Бога

18+

Владимир Вейс

Исповедь замученного Бога

«Автор»

2026

Владимир Вейс

Исповедь замученного Бога / Владимир Вейс — «Автор», 2026

В книге «Исповедь замученного Бога» Владимира Вейса автор исследует глубокие философские и духовные вопросы через призму личного переживания главного героя. В произведении переплетаются размышления о природе человека, его слабостях и силе духа, о любви и прощении. Читатель погружается в атмосферу раздумий о жизни, смерти и вере, где каждый персонаж и каждое событие несёт свой смысл. Юмористические и трогательные моменты, а также элементы любовного фэнтези и эротических историй создают уникальный и многогранный мир, в котором каждый найдёт что-то близкое для себя. Книга сочетает в себе философские размышления и эмоциональные истории, способные тронуть сердце и заставить задуматься о вечных вопросах бытия.

© Владимир Вейс, 2026

© Автор, 2026

Владимир Вейс

Исповедь замученного Бога

Солнце ломится в окна праздничным фейерверком первых лучей. Оно как бы неразумно в своём стремлении осветить, обогреть, поднять настроение просыпающегося рода человеческого, который и не подозревает, что вместе с ним поднимается зачастую невидимый мир природы. Всякие там звери, букашки, растения.

А ведь оно, солнце, связующее звено времен, подумал Георгий. Он стоял у окна на двадцатом этаже новой квартиры в подмосковном Подлесье и смотрел на горизонт, забитый дальней полоской леса, оставшейся после прихода строителей, как некоей отметки ещё не взятого пространства. А ведь там, как раз суетятся ещё какие-то суслики, тушканчики, может быть и зайцы, которым некуда прятаться от беспощадных лис, да и одичалых собак. Но и сами хищники начинают ощущать неумолимое наступление человека.

Георгия передёрнуло от жесткости этой мысли. Какая же всё-таки мерзость, человек!

Рядом, на подоконнике стояла чаша выкрашенных яиц. Вчера Таисия с дочкой красили их, прикладывали рисунки, критиковали свою работу, но, в основном, радовались этому занятию, которое приближало их к какому-то таинству.

Женщины сильны мгновенными эмоциями. Так устроена их жизнь – укладывать секунды, минуты, часы и дни в поступки, связанные с охраной достигнутого порядка. А у мужчин?

...Боль прибитых к крестовине рук и ног притупилась. Начало мучить солнце, которое сначала ласкало казненных, но, не добившись благодарности, стало жалить и тело чесалось. О многое бы он отдал, чтобы освободить руки и дотронуться до изнывающих от зуда частей тела, которое скоро перестанет Ему принадлежать. Лишь эта мысль прекращала зуд. Мысль – это сила!

Рядом застыли в принудительных позах разбойники. Он их не знал, хотя прекрасно понимал, что это те же обычные люди, доведенные до безумия в своих повседневных делах. Они крали, убивали, насиловали, не задумываясь о том, что творят. Одни всепобеждающие и стирающие человеческую личину инстинкты!

Крайний к нему, Иисусу, молчит, а вот дальний от Христа стонет и бормочет ужасные проклятья на головы римлян. Римлян ли? Нет, можно разобрать имена Ханны и Терезии. Он превратил боль в арену только одному ему понятных страстей! Ах эти люди!

И римлянины, хотя какие там, италы?! Наверное, персы и германцы, перешедшие в войско цезаря, потому и выполняют эту постыдную работу охраны ещё живых трупов!

Иисус поднял голову, всматриваясь в небо. Там Его Отец! Он огромный, но невидимый миру, всматривается в людей, изучает Его и думает. О чём?

Разве не жалко Ему своего отпрыска, которого Он видел крохотным человечком в вырезанном плотником деревянном корыте, ставшим Ему люлькой. А потом, вероятно, отслежи-

вал бегающего мальчонка по пыльным улицам города, той его части из глинобитных домов, которые сразу же разрушаются от лёгкого землетрясения или затянувшегося ливня, где жила семья плотника и его жены Марии. И люди, как муравьи снова начинают вместо разрушенного лепить новые дома, как только выглянет мирное солнце.

Иисуса покрыла волна жалости к тем людям, что жили рядом с Ним, знакомым с детства и постоянно встречающимся во время его долгих скитаний по долинам и пустыням, по горам и глубоким лощинам. Что Он искал, без усталости перебирая дороги своими ногами? Место, хоть как-то отдалённо напоминающее кущи рая Господня? Нет, не только своим видом и благоухающим тенью, и запахами цветущего миндаля, нет, местом, где люди оставались бы людьми, любя друг друга, заботясь друг о друге, моля прощение за свои непредвиденные грехи, прерывая цепь нарушений заповедей Господних покаянием и умиротворением в своих беспокойных душах.

Да, встречались такие селенья в горах, прикрывающих Мертвое море с востока, где филистимляне страстно молились Яхве, чтобы он оберегал их идиллию! Но и они в богатые урожаем годы боялись за заработанное богатство и косились на тех, кто приходил к ним с протянутой рукой. А в неурожай запирали свои амбары и сгребали последние свинцовые оболочки у односельчан. Никто из живущих в этих затерянных в горах райках не желал терпеть! Одни не терпели в богатстве, другие – в бедности! Никогда весы благополучия не оставались и не останутся на одной строго горизонтальной линии!

Но мгновением далее Он с улыбкой, слегка тронувшей его потрескавшиеся губы, видел лица сверстников по Назарету. Да, они все перед глазами, озорные и тихие.

И в Кане, когда Он сам уже работал плотником, были друзья... Стефан, сын горшечника, Иоанн из кузнецов, Магда от виноградарей. Все были уже почти взрослыми, но их объединяли мечты о счастливой и полной благих дел жизни... Ах эти юношеские мечтания победить злость, подлость и страх! Сделать жизнь людей свободной от зависти, невежества и, опять же, от того вечного страха потерять всё и саму жизнь!

Вот Он прикован и замучен. Тело сопротивляется насилию и преждевременному окоченению! Тело! Он знает истинную цену ему!

Тело требует покаяния перед сильными, оно стонет от наивности человека, им владеющим! Что стоит Его рту взмолиться о пощаде?! Что стоит заполнить Голгофу стенаниями и призывами к людям, хмуро смотрящим на Его мучения, и заставить их перебить стражу, снять с крестов, унести в прохладу домов, приложить лекарства к ранам?! Ничего не стоит!

Ради чего Он здесь в презрении и злорадном облегчении врагов Его, молящихся одному и тому же Богу? Как он выглядит в равнодушном созерцании иноземцев, прибывшим сюда из долины Тибра, окруженных сонмом своих богов, теряющих власть над Новым Человечеством? Что Он им всем?

Терпение. Нет боли и страдания Его плоти! Они лишь плод его воображения! Плотью Он наделён, чтобы ощутить Рабство Желаний и Потребностей. В этом дать равным с людьми, окружающими Его невидимой тканью жизни!

Сейчас они смотрят на Него глазами, полными чувством жалости! Но придут ли от этого к ним смирение и очищение душ? Не станет ли Он каким-нибудь маленьким глиняным божком, удобным своими размерами, чтобы спрятать и унести от разрушений варваров? И будут ли смотреть в его слипающиеся от пота и усталости глаза на этой крестовине ещё какое-то время, гадая, зачем и ради чего была принесена такая Ужасная Жертва? Или эти глаза "откроют" на бесчисленных иконах, которые однако не покажут Истинного Лица Дающего Искупление!

Георгий отшатнулся от окна. Ему показалось, что лицо Иисуса, неизвестное им, оказалось прямо перед ним без всякого укора в глазах. В них светилась только неугасимая любовь!

Что это за свет от неё такой? То же солнце или нечто иное, исходящее из глубины Бесконечной Божественной Ласки, не требующей ничего взамен! Та Бескорыстность руки дающей, руки, спасающей, тянущей тебя из пропасти Безверия и Бездушия к краю, за которым долина бесконечного блаженства Света, Доброты и Сочувствия?!

Мужчине у окна занудилось рыдать. То ли от счастья оказаться в неведомом никому мире Гармонии Чувств и Дел, то ли от невыносимо упрекающего взгляда лика Великой Жертвы, терзаемой на кресте на вершине горы, сливавшейся с Небом Великого Бога?

Он вздрогнул от прикосновения сзади. Почувствовал тёплые руки Таисии, её дыхание и её же тревожащее ожидание ответа на вопрос: что с ним?

– Встречаешь солнце? – предугадывая лишь часть ответа, спросила она.

– Да, – чуть слышно ответил Георгий.

Он повернулся к Таисии и взял её лицо в свои ладони и выдохнул, словно сдувал невидимые пылинки:

– Я, кажется, видел Божественный Лик! И это напомнило мне о Долге перед Ним, как о необозримо огромном и неповторимом Родителе, держащем нас в своих дланях Любви и Прозрения.

Планета роботов

Жить надо так, чтоб там, наверху, офигели и попросили на бис!

Ledi из блога

Часть первая

Вступление.

Галактики

Свод спал, обхватив руками несколько галактик.

Гетм, наблюдавший развитие малыша, присел рядом, как раз между плотными галактическими облаками.

Свод открыл глаза и радостно воскликнул:

– Дедушка, ты здесь!

– Ну а куда я денусь?

– Чем мы сегодня будем заниматься, дед?

– А что тебе хочется?

– Не знаю. Но самое лучшее – это узнать, для чего я существую?

– Хм. Ты так молод, но серьезен. Никто не знает, что нас ждет, зачем мы живем, кому мы нужны...

– А много нас?

– Этого никто не знает. Лучшие умы Верии уже бесконечность бьются над этим вопросом.

– А ты, что думаешь, дед?

– Я? Мы существуем для того, чтобы поддерживать систему жизни в Эксплое.

– А она велика, Эксплоя?

– Она бесконечна.

– И много в ней таких кластеров, как наша Верия?

– Их бесконечно много.

– А что внутри нас?

– Свои галактики, свои звезды, свои планеты.

– Как странно устроен наш мир.

– Может быть и странно... на твой взгляд. Но все, что есть вокруг нас и в нас самих – это система.

– Дед, это скучно. Придумай невероятное открытие.

Гетм улыбнулся. Он, как и Свод был прозрачен и миллиарды звезд сверкнули в его теле.

– Система Эксплоя и есть лента Мебиуса. Все, что в нас и вокруг нас – взаимопроникаемо. Атомы и Галактики входят друг в друга. Так достигается бесконечность существования.

– Значит, мы пленники Системы?

– Нет. Мы развиваем систему. Вот, на мой взгляд, смысл нашего существования.

– А откуда мы знаем про ленту Мебиуса? И кто он такой, Мебиус?

– Мебиус человек.

– Расскажи о человеках?

Алкаш.

Земля

Нестор вышел на балкон. Свежий воздух окутал его тело. На восемнадцатом этаже автомобильной гари почти не чувствовалось. Панорама большого города очерчивалась широкой изломанной полосой Волги. Дальше темнел лес, который был на подступах к Жигулевским горам.

Мужчина подошел к перилам и посмотрел вниз. Там через дорогу шла кукла. Нестор узнал в ней Берту. Точнее красный берет и красное пальто.

Берта покинула его.

Она бросила его.

Она перестала верить в него.

Он стал для нее другим человеком.

Полчаса назад она сказала, кем он стал.

Алкашом.

– Такое невозможно, – запротестовал Нестор, он попытался подойти к жене, обнять ее за плечи и усадить в кресло.

Все может образумиться. Она не понимает его пристрастия к питью. Это же его программа и она, как и любая другая программа, должна закончиться. Это все временно. Это надо мужчине, чтобы подойти к краю Бездны и посмотреть, ради чего надо терпеть обыденность – ежедневные и еженощные действия, еду, отправления, эмоции или их полное отсутствие в виду привыкания к жизни. Что еще придумал Бог для человека? Точнее, для своего робота.

Нестор нисколько не сомневался, что Бог – это Некий Великий Ученый, Сверх существо, которое придумало для себя человечество, как мир роботов. Возможно, он ведет единовременный сеанс наблюдения за каждым из множества миллиардов людей, живет их мыслями, эмоциями, поступками, тем самым осуществляя их смысл существования как свой.

И он, Бог, любит алкоголиков, потому что они юродивые. И с ними он говорит напрямую.

Берта перешла дорогу, остановилась у обочины и подняла голову. Она увидела мужа. И тотчас же подняла руку навстречу такси.

Нестор вернулся в комнату, сопровождаемый звоном падающих с узкой полки пустых бутылок.

Они жили в однокомнатной квартире, в небольшой ячейке этого огромного мира. Жили неплохо, упиваясь любовью второго для каждого из них брака. Дети выросли, и их отсутствие не очень тяготило немолодых влюбленных. Приедут, получают тепло, деньги, отдадут свой смех и еще детские переживания.

Нестор подошел к столу, взял телефонную трубку, пощелкал кнопками:

– Борисовна, где Гришка?

– Спит он. Викторыч это ты?

– Я.

– Хочешь послать его за бутылкой?

– Нет, пусть заберет у меня.

– Что-то новое, ладно скажу.

Нестор представил, как дежурная на первом этаже женщина своим криком выуживает из-за закутка Гришку. Тот всегда готов на подвиги.

Через три минуты лифт остановился на этаже.

Гришка вошел в открытую дверь:

– Где бутылка?

– В магазине.

– А че ты?

– Собери все пустые, на пузырь хватит, да я добавлю сотню рублей.

Через пять минут Гришка полностью очистил жилплощадь от пустой тары в большую клетчатую сумку. Он ждал деньги.

Нестор порылся в кармане и протянул, но дал не сразу:

– Ты спал?

– Ну и че?

– Сон видел?

– Что я, банутый какой?

– Ты робот.

Нестор отдал сотню и пошел за алкашом закрывать дверь. Тот не оборачиваясь, ринулся к лифту.

– Я тоже робот, – почти весело крикнул вдогонку Нестор.

Но это признание никого не интересовало.

Так закончился очередной этап жизни Нестора. А новый уже выклевывал скорлупу изнутри.

В этот же день он засел за книгу. В ней появились строки:

«От меня ушла жена. Красивая, умная, честная, но больная моим пристрастием к выпивке. Ну что ж, будем лечиться.

Звон падающих бутылок – это как перезвон колоколов по душе спившегося человека.

Люди редко звенят как эти колокола, когда не выхолощены всем земным. Они просто тихо падают вниз, как осенние листья. И хрустят, шуршат, когда по ним идут толпы таких же, как они...»

Книга Нестора Гришаева «Переправа Хорона» стала бестселлером года.

Книга потрясла тех, кто спился еще не до конца.

В дверь позвонила Берта.

– Я даже не могла представить, что ты ушел в образ.

– Я же не раз так делал. Помнишь, работал грузчиком на рынке?

– Это была твоя писательская блажь.

– Нет, я не просто писатель, я философ. Заходи, а то я уже почти перестал быть мужчиной.

– Какая у тебя чистота! Сам убирался или нанял служанку?

И без перехода:

– Прости, что не поняла тебя.

Писатель буркнул в свои усы:

– Да уж куда там, понять алкаша...

Матери.

Мир теней

В мире призраков сенсаций не бывает. Когда прибыл Гитлер, его матери пришлось умолять Всевышнего оградить сына от нападков миллионов душ.

– Он получает то, что заслужил Мария, – ответил глас Божий.

Бедная мать обратилась к Богородице:

– Спаси и заступись!

– Уже просила. Но ты заметила, что толп атакующих стало меньше?

– Нет.

Но все-таки заметила Мария Шиклгрубер, что волнующееся вокруг ее сына море призраков стало делиться на островки. Пригляделась она и поняла, что люди стали расходиться к свите ее сына, которая стала появляться в мире призраков по мере времени. Крупных партайгеноссе казнили по-разному, но больше их появлялось с оборванными веревками виселиц.

Потом повторилась эта история, но только с матерью Сталина.

Екатерина Джугашвили умоляла всех святых оградить ее сына от гнева призраков.

Святые отстранённо молились за душу диктатора.

И лишь только матери убийц, великих грешников, атеистов страдали на Том Свете.

Тот Свет контролировал Гетм. Это был склад одухотворения роботов.

Водитель.

Земля

Водитель был молод. Одной рукой он держал баранку, в другой у него был сотовый телефон.

– Проехал Советскую Армию. Ты где?

– Остановите, – крикнул кто-то.

– Не гони, – водитель стал давать советы кому-то по телефону. – Вижу красавчиков.

– А стоя можно?

Это пассажир не решался войти.

– Нет, впереди менты.

– Я присяду.

– А я отдам им бабки? Беги вперед, на следующей остановке сядешь.

Хлопнула дверь с криком неудавшегося пассажира: «Задорнов, хреновый!»

– Ладно, звони! – водитель положил сотовый на приборную доску. – Сходить кто будет?

На следующей остановке вышел один, освобождая единственное место, но в салон рвались двое:

– Места есть?

– Полно!

Измученные ездой и частыми остановками пассажиры с забитых ими мест дружно засмеялись, оценивая юмор водителя.

Для людей это была естественная реакция. Но они были дружны в своей реакции. Свод подумал, что это реакция существ, запрограммированных на конкретные раздражители.

BMW вынырнула из-за поворота, как черный призрак. Столкновение было неизбежным. Водитель рванул руль вправо, нажимая на тормоз. Газель с размаху завалилась набок. Ее замызганное маслом дно напоминало о какой-то внеземной машине, но не о микроавтобусе.

Никто не пострадал, вылезли из открытой двери все. Но ушибы подсчитывал каждый. Детей здесь не было. Почти все – молодежь.

BMW исчезла, один из пассажиров запомнил ее номер. Водитель после того, как узнал, что живы все, запел какую-то песню.

– Вот ведь водила, – сказала одна пожилая женщина, все еще охая, держась за дерево, – такой же, как мы. С головой, ногами и руками. Два века никто не проживет.

– Проживет, – крикнул студент, – такие сучары живучи!

Реплика.

Галактика

– Странный этот мир, – сказал Свод Гетму, наблюдая за жизнью землян. – Никто из них не думает друг о друге.

– Они еще сильно отстают в развитии, – отозвался наставник.

Проститутка.

Земля

Клиент быстро собрался и ушел. Молодой мужчина заявил, что хочет сравнить... знать... Изменяет ли ему девушка? У нее как-то не по-молодому.

Ушел озабоченный.

Дурашки, все дело в желании женщины. Если его нет, то мужчина счастлив...

Вера очень устала. Ей не хотелось вставать. Она закрыла глаза.

«Почему мне так плохо? – спросила ее чувственная часть. – Я же работаю как машина».

«Если бы как машина, – ответила ее разумная часть. – Дашь, как машина. Но ведь всю неделю твоим телом распоряжались уроды. Сначала анал, затем в рот... Тянут за груди, щипают за ягодицы, хватаются за голову. Если что не так, то наотмашь по лицу! Или сбрасывают на пол, пинков не жалеют. Что только не делают, заплатив деньги! Здесь уже невозможно быть просто машиной...»

Пришла Кызынка, которая убирает номера. Стала ругается по-своему.

Совком убрала два презерватива, что бросил клиент.

– Вставай джаляп, – сказала Вере, – сейчас Горовна придет.

Значит Егоровна, а точнее, Зинаида Егоровна, хозяйка заведения.

Вывески о том, что здесь дом терпимости, нет. Гостиница с салоном красоты для мужчин в правой половине на втором этаже.

Если говорят о стрижке, то подавай клиенту женщину, если заикается о педикюре, то ведут к Гоше. Удивительно, но он не простаивает

Вера нехотя стала подниматься, потянувшись за халатом.

Вошла Горовна, зыркнула на Веру:

– Расслабилась?

– Да нет, все нормально.

Горовна посмотрела на склонившуюся над ковром горничную, убирающую окурки.

– Что, прожгли? Пепельница же есть! Ты, Верка, следи, а то спалишь ковер. А он стоит, что десять мужиков оприходовать. А ты, Кызынка, ничего! Зад у тебя хороший. Может, начнешь зарабатывать? Есть любители восточных шлюх.

– Горовна, – тотчас же гневно выпрямилась Кызынка, – Аллах накажет меня!

– У тебя двое детей? Скоро в школу. Знаешь, сколько надо будет денег? Форма, учебники, сборы на содержание класса и охраны...

– У меня муж хороший. Аллах накажет, если я буду здесь джалап.

– Джалап – это по вашему проститутка? Ну, смотри, Кызынка, решай, кто тебе важнее – дети, муж или твой Аллах?

Горничная ушла. Вера, запахнув халат, подошла к окну. За ним в искрящемся свежем снеге рисовалась центральная улица. Когда она, Вера, могла просто пройти по ней, заглядываясь на витрины, ловя взгляды молодых людей? Фигура у нее классная, она и сейчас в фаворе у клиентов.

– Вижу, что устала, – сказала Горовна. Потянуло сигаретным дымом. Значит, закурила свои любимые «Кент». – Как Митька, учится?

– Если бы не мама. Она его держит в руках, – ответила Вера. И неожиданно спросила, как у близкой подруги. – Зин, ведь какие уроды пошли! Готовы головой залезть! Готовы искромсать на части! Раньше ведь не такие были?

– Они всегда были скотами. Смотри, сколько дебилов повылезало! Помнишь, приходил часто Курносый? Поймали как маньяка, растлителя малолетних. Он убивал их и расчленил. И девочек, и мальчиков.

– Да мало ли что ли ему нас было! – Вера всплеснула руками. Она тотчас же подумала о Митьке, красивом, полненьком, беленьком. – Господи, как ты терпишь такое!

– Вся земля – дом терпимости, – сказала Горовна.

Дверь открылась, заглянул утренний клиент.

– Что тебе? – спросила Горовна.

– Ее!

Клиент показал глазами на Веру.

– Вот неугомонный! Заплатил в кассу?

– Да.

Горовна вышла.

– Ну чего ты, – Вера стала развязывать халат. – Поругался что ли?

– Нет, я никуда не ходил. Я подумал... Не нужна она мне.

Вера сбросила халат.

Клиент восхищенно посмотрел на нее:

– Ух, какая ты! Как тебя зовут?

– Ты же спрашивал, Вера я.

Усталость исчезла. У нее второй раз спросили имя.

– Я хочу тебя.

– Хочешь, начинай.

Но клиента словно подменили. Он совсем оробел.

Он лег вместе с проституткой и стал гладить ее тело. Потом приподнялся на локте:

– А давай я тебя отсюда заберу?

– Куда? – не поняла Вера.

– Домой.

– И что?

– Распишемся. Как муж и жена.

– Ты выпил или обкурился?

– Нет. Ты мне понравилась.

– У меня ребенок, – сказала Вера с дрожью в голосе. С ума сойти! Ее сватают здесь, в постели!

– Девочка?

– Мальчик.

– Как зовут?

– Дмитрием.

– Здорово! У меня хорошая работа. Две комнаты.

– Мне за тридцать.

– И мне тоже. Это я так выгляжу...

– Ну ты и кадр! Так будешь или нет?

– Буду. Дома, у меня...

Кафедра медуниверситета.

Земля

– Сегодня приступаем к изучению детородных органов. – Профессор Малышкина ткнула в плакат атласа. – Природа проявила удивительную изобретательность в формировании этих органов, их функции – это тонкие и сложные процессы. Механизм человеческого тела...

Кудрявый студент в третьем ряду наклонился к соседке:

– Двадцать раз прозвучало слово «механизм». Значит, мы с тобой, Лика, машины!

– Ты точно! – хихикнула голубоглазая Лика, но посмотрела на соседа с обожанием.

В этот момент оба подумали о вместе проведенной ночи в прошлое воскресенье. Тогда они отказались от презервативов.

Даллас. США.

Земля

Президент

– Жак, – Джон Кеннеди, помогая войти в машину, смотрел на жену во все глаза. Она была красива в утреннем свете далласского солнца, – садись и возьми плед.

– Я не замерзну, – улыбнулась Жаклин. – Плед скроет мои колени.

– Ты думаешь, что не оторву взгляда от них, когда будем проезжать мимо толпы?

– Это уже немного пошло Джо...

– Может быть, дорогая. Но я посмотрел на тебя и увидел ту, что встретил десять лет назад. Ты красива, как никогда!

– Это техасский воздух. Это воздух пустыни отуманил твою голову.

– Может быть, но мне сегодня хочется смотреть на тебя, не отрываясь.

Машина еще не тронулась. Люди из различных ведомств какой уже раз осматривали ее снаружи.

– Сэр, вам отрегулировать кресло? – спросил водитель.

– Все нормально, Билл. Все нормально.

– А как подлокотники, чтобы удобно подниматься и стоять?

– Все окей!

Президент посмотрел на жену:

– Жаклин, я все к тому, что время неумолимо бежит. Оно поглотило двух наших малышей.

– Ну что ты, дорогой, не думай сейчас об этом. Ведь двое живы и радуют нас.

– Я материалист. Но так хочется увидеть там, наверху их...

Кеннеди не договорил. Подошел некий господин.

Президент молча выслушал доклад. По его лицу пробежала тень.

Но Жаклин ни о чем не спросила.

К ним сел губернатор штата Техас Коннолли. Он уже был в ней, но кто-то упорно звонил, обещая раскрыть ему важную тайну. Когда Конолли подошел, трубку на том конце положили.

Машина тронулась.

Вскоре появились первые группы людей, которые бежали навстречу машине. Чем ближе к центру, тем плотнее толпа, тем больше полицейских и людей в штатском.

«Разве они спасут, если сумасшедший спрячется на ком-нибудь верхнем этаже этих домов? – почему-то подумал Джон».

– Джон, надо встать, – Жаклин рассматривала улицы с множеством людей. Это избиратели. Они должны видеть ее мужа веселым и оптимистичным. – Так лучше ты запомнишься.

Президентская чета ехала, излучая огромную энергию любви к людям.

Но всех любить, значит никого.

Раздались выстрелы...

«Заговора, имевшего целью убийство, выявить не удалось».

Из ответа председателя комиссии Уоррена на пресс-конференции в Белом Доме.

– Что он о себе возомнил, этот Джон? Он кто, Бог, Линкольн или мой отец? – спрашивал накануне убийства некий Роберт Гринели в таверне «Под кустом ракиты», штат Эллинойс.

– Все мы винтики в этой машине, называемой Государственной Машиной. Но если один не из той обоймы, его убирают.

Из разговора двух джентльменов у камина за год до убийства Кеннеди.

Моисей

Земля

Шел тридцать седьмой год перехода сынов Израиля через пустыню. Те, кто были молоды, когда пошли за великим Моисеем, уже состарились и хоронили друг друга. А их дети уже нянчили своих. Это был путь могил, рядом с которыми молодые женщины освобождались от бремени, и пустыню оглашали крики новорожденных. Тем, которым предназначено было родиться в этот год, только лишь через три года уже доведется стоять на земле обетованной своими ногами.

Не все гладко в этой жизни, но люди даже в таком изнурительном долгом переходе, когда сменялись поколения, не унывали. Их вел сам Моисей.

Время его, казалось, совсем не тронуло. Морщины на лице и шее стали глубокими, словно трещины в расколовшейся от долгого безводья земле. Мелкий песок вбуравился в кожу, которой можно было заточивать до тончайшей остроты ножи. Но этого, конечно никто и не

мог сделать. Крючковатый нос Моисея обострился и если бы не добрый блеск внимательных умных глаз, сходство с хищной птицей стало бы отталкивать людей от своего пророка.

Еще три года скитаний: три жарких знойных лета и три весны с коротким цветением пустынных трав, три осени с песчаными бурями и три зимы, к исходу которых люди истощались и падали, как не спасенный от мора скот. Этих сроков Моисей не знал. Он был странным пророком, который лишь знал две конкретные вещи: начало исхода, и оно свершилось, и конец. Этот конец был началом свободы.

– Мы должны прийти на землю обетованную очищенными от пороков и зла, – обращался Моисей к своей постоянной пастве. – Те, кто изверился во мне, могут убить меня в любое время. Я иногда сплю, молюсь в уединении, просто стою рядом с вами. Возьмите камень и разможжите мне, спящему, голову, накиньте за спиной шнур и удавите, вонзите в меня нож, которым только что потрошили пустынного зверя. Но знайте, когда придем на нашу новую родину, я не проживу и мгновенья, чтобы насладиться нашей общей радостью. Я слишком стар, чтобы из своей груди производить смех и растягивать лицо в улыбке.

Да, это и не был поход в том полководческом понимании, когда руководитель имел твердый план, размечал путь и наделял каждую минуту движения каким-то особым смыслом. Все шли, останавливались, чтобы приготовить пищу, и это растягивалось на дни и недели. Молились всегда, но также и при первых же признаках беды, оплакивали умерших и радовались рожденным. И казалась прежняя жизнь раем, а издевательства и лишения хмурой улыбкой того времени. И те, кто это помнил, уже почти все умерли. А их дети передавали эти воспоминания своим детям и не очень верили, что есть мир, где все иначе, чем здесь, в пустыне.

А что же сам Моисей? Он брал силу в беседах с Богом. Иногда наедине, иногда при участии всей паствы. Но и эта сила была не беспредельной.

Умирал старый башмачник Ицхак. Он позвал к себе Моисея и попросил склониться над ним, ибо шепот его был почти неслышным...

– Учитель, – шептал Ицхак, – ты помнишь меня?

– Да, помню, и помню твою семью, которую вырезали, и помню твой дом, который захватили враги наши, и помню твои слезы...

– Ты велик, но ответишь ли ты на вопрос: почему в мире так много зла? И надо было ли нам уходить от этого зла, чтобы приобрести новое?

– Почему ты так считаешь, башмачник? – спросил Моисей.

– На земле обетованной вновь будет литься кровь и слезы застилать глаза, но руку поднимет не чужеземец, не иноверец, а свой человек. Не уйдем мы от греха первородного...

– Наша жизнь – это его искупление, – сказал Моисей. – Греховно наше бытие, но иначе не должно быть: каждый орган, каждый человеческий член требует действия, движения. Откусив от древа познания, мы сами на себя взяли заботу о своем существовании.

– Я умираю, ты помнишь о моих бедах, а я о них уже забыл. Я не помню лица моей жены, не представляю, как выглядели мои растоптанные, истерзанные девочки, не помню, какой была дверь моего дома. Зачем я пришел в этот мир? Кому от того, что я жил, было хорошо?

– Когда ты был молод, ты был нужен тем, чья сытая жизнь зависела от твоего ремесла. Когда ты шел рядом, ты был нужен нам местом, которое ты занимал в пустыне.

– Учитель, для меня это сложно. Поясни свою мысль.

– Твое пребывание в этом мире не бесцельно, Ицхак. Ты вырос из семени и заполнил собой пространство, вытеснив этим часть неживого пространства. Наша задача – наполнить Вселенную мыслью.

– А что после меня? Эта мысль кому-нибудь будет нужна?

– Да, она нужна Вселенной. Отступает неживое, наступает жизнь. К чему бы ни прикасалась рука человека, ведомая мыслью, все оживает, наполняется особым смыслом, побуждает нас на новые представления и действия.

И умер Ицхак на переходе через сложные философские понятия, умер с улыбкой, ободренный тем, что прожил не зря.

А Моисей поблагодарил Бога за те же ответы, что он передал умирающему башмачнику. Почти все годы этого путешествия истощенный Моисей обращал свой лик к Богу и вопрошал: что есть добро и зло?

– Я увел народ от зла, – говорил он пустыне, – но новые беды обрушились на нас: зной и холод, болезни и смерть от когтей львов. Добро моих помыслов обратилось во зло...

– Добро и зло – суть одно, – сказал Бог. – Кормя свою овцу травой, ты приносишь ей добро, а зло – живым растениям. Но следующим росткам ты приносишь добро, освобождая место для роста. Любя своих детей, ты не любишь других детей. Любить всех одинаково ты не можешь. Ты любишь то, что рядом... В каждом добром поступке заключено зло, последствия которого неведомы никому.

– И тебе, Господи?

– Я есть и Зло, и Добро. Но по конечному счету я Добро, потому что оно движитель.

Ускоритель элементарных частиц выдал такое, от чего научный мир пришел в изумление: найдена частица мироздания!

Старый академик Моисеев торжествовал: то, что он предполагал, вычислив теоретически с мощью им же созданных формул, сбылось. Мир узнал, что есть некая частица, которую не увидеть, ни пощупать, ни измерить, благодаря которой существует Вселенная. Что там атомы, лептоны, криптоны! Они так же крупны, как для человека Земля, на которой он живет. Неизмеримо малая часть материи найдена, меньше которой теоретически не может быть ничего...

– Есть!

Академик оторвался от экрана вычислительной машины и в изумлении посмотрел туда, откуда исходил голос. А он шел от свечения в стене. На глазах это свечение стало приобретать контуры существа, похожего на человека. Приглядевшись, Моисеев догадался, что этот лик этого человека мог принадлежать лишь Богу.

– Как же так? Что еще может быть меньше этой частицы?

– Мысль. Но дело не в том, что может быть мизернее элементарной частицы. А в том, чем представляется вам?

– Основой мироздания. Кирпичиками...

– Ах, это мышление строителей. – Свечение заколыхалось. – Эта частица неизмеримо больше, чем кирпичик! Больше стены, сделанные из непомерно большого количества таких кирпичиков. Это непробиваемый купол Вселенной в другой мир. А этот мир – мысль...

– Господи, – изумился Моисеев, – как же так может быть?

– Это и есть. В своих беседах с пророком Моисеем мы говорили о грани между злом и добром. Эти два понятия взаимопоглощаемы и суть одно. Я говорил Моисею, вашему очень далекому прапрапрадедушке, что я и есть, в конечном счете, победившее Добро. Почему? Потому что на мне и со мной перевес в виде той самой элементарной частицы, которая и есть Ничто, и в то же время это грань перехода в мир добра и счастья.

– Значит ли это, что человеческому существу невозможно перейти эту грань при жизни, и только его душа способна пройти ее?

– Нет, это не так, – сказал Бог простым и чистым голосом – Каждый человек при жизни миллионы раз пересекает эту грань. Он, его совесть, мысль постоянно взвешивают на весах добро и зло. И доказано же вами, людьми, что всегда побеждает добро. Потому что на его чаше весов ваша частица мироздания... это и есть Я.

Воображение, как память

Скрывая от друзей и знакомых, я пишу небольшие литературные произведения. Это – испорченность школьной поры, когда учительница русского языка и литературы как-то сказала при всех, что у меня богатое воображение. На этом уроке я поленился раздумывать о "минусах" и "плюсах" произведений других авторов для сочинения на свободную тему. Лучше положить на своё литературное воображение!

Оно-то и заставило меня, уже взрослого мужчину, "отпустить вожжи", когда я предложил жене "рассказать" о первой с ней встрече.

Мы живем с Инной около четверть века. Она пожала плечами, предполагая плачевный для меня результат.

– Нет, не той встречи, – тот час же предупредил её опасения, – когда я увидел тебя в твоей библиотеке, а раньше, до этой.

– Разве до моей работы мы с тобой могли встретиться?

– Да, – твердо сказал я. – Только в нашей памяти эта встреча уложились в какой-то глубокий ряд. Итак, сначала вспомни, как это было.

– Так это было или ты выдумываешь?

– Для тебя будет неожиданным открытием! Сама поймешь.

Я откашлялся и важно начал выдумывать:

"Когда я учился в десятом классе, то каждый вторник мы с другом ходил в мастерские на практику. Они находились далековато от нашей школы – на территории вагонного депо, кстати, там когда-то и работал твой папа, а путь лежал мимо твоей школы. В первый же сентябрьский вторник ворота школы были открыты, и возле них, как обычно, на переменах резвилась школьная детвора.

Мы с Витькой Борисовым, а он всегда перед школой заезжал ко мне, чтобы оставить свой велик, ожесточенно спорили о свойствах Вселенной, перекрывая уличный шум криком своих глоток, извергавших понятия о «черных дырах», «парсеках», «геометрии Лобачевского» и прочем. Возраст был такой крикливый от выпирающих наружу из нас знаний, почерпанных черт знает откуда. И оба не слышали, как на нас наседали какой-то транспорт, кажется, легкий трактор. С его прицепа вихрем несли мусор по ближайшим к его холду улицам города, и только звонкий голос какой-то девчонки привел нас в чувство.

Она крикнула: «Мальчишки, берегитесь трактора!»

Всего несколько слов. И это была ты, да, ты! Я впервые увидел тебя. Как ты там оказалась? У тебя, кажется, закончился какой-то урок. И ты, как прилежная ученица, стояла у ворот с учебником и что-то зубрила по учебнику. Рядом с тобой девчушки из третьего класса играли в «классики», гоня по квадратам, нарисованным мелом, баночку из-под сапожного крема, заполненной песком"...

Кажется, мне удалось увести Инну в страну воспоминаний о детстве. Она отстраненно уставилась в стену кухни, словно на ней проецировался фильм о ее школьных годах.

"А эта баночка «квакала», когда по ней ударяли ногой. Тебя могли бы заинтересовать новые перекрестные прыжки по квадратам: в твои годы, когда ты была во втором или третьем классе, так еще не прыгали"...

– Бандит, – засмеялась Инна, оторвавшись от вызванных волнующих воспоминаний, – что вы, мальчишки, понимали в этой игре! Но, самое интересное то, что я могла так подумать.

– Слушай дальше. Ты была одета...

Инна встрепенулась, да я и сам напрягся, потому что это была самая важная и сложная часть моего "рассказа", она должна быть самой убедительной:

"Ты всегда одевалась намного изысканней твоих подруг по классу, – польстил я, – в тот год у тебя появилось кремовое платье, сшитое руками твоей мамы. Она не любила строчить на машинке. И ее ручные строчки были идеальными. Поверх платья – белый сарафан-фартук. Волосы пепельного цвета зачесаны назад, до появления челки оставался год и три месяца, когда ты спалишь волосы над плитой"...

Инна не сопротивляясь вошла в мои «воспоминания» оттого, что они были достаточно точными в деталях. Мы ведь много делились друг с другом о себе и своей жизни. Ее мама, когда еще была живой, часто вспоминала, как она достойно «тянула» девочек – Инну и ее сестер.

– Вот такой я тебя увидел, когда ты, подняв голову от книги, крикнула, предупреждая об опасности. Мы шарахнулись в сторону тротуара и пошли дальше.

– Хватит сочинять, выдумщик! Собирайся, пора на работу... Хотя я тебе благодарна за возвращение меня в сказочное время школьной поры...

День прошел в обычной городской суете. Пришла ночь, и мы крепко заснули..

Около пяти утра Инна дотронулась до моего плеча и, увидев, что я открыл глаза, таинственно приложила палец к губам, словно заговорщик.

– Спишь? А я вспомнила, – зашептала Инна, – та встреча у ворот школы не твоя фантазия. Она была!

Мои глаза округлились. Вот так дела!

– Но все было чуть-чуть не так, – прошептала Инна, – как ты мне рассказывал. Третьим уроком у нас должна была быть литература. Я действительно стояла с учебником, когда девочки из 4-Б крутили скакалку. А рядом мальчишки гонялись друг за другом...

Благодаря её уточнениям я совершенно ясно увидел то утро, расцвеченное яркими красками ранней осени: до сказки было рукой подать. И в эту фантазию входили двое мальчиков. Один долговязый, чуть сгорбленный от привычки везде пригибаться. Он и по аллее шел так, словно боялся зацепить плечами кроны дубов. А второй был на голову ниже. Это я шел чуть вразвалочку.

– Да, это был ты. Я усмехнулась твоей кепке-аэродрому, которая козырьком была свернута вбок. Сзади на вас, действительно, катился транспорт и не трактор, а инвалидная коляска с ручным управлением. Инвалид подавал сигналы. И тогда я не выдержала и крикнула: «Мальчишки! Отойдите!» Меня то вы услышали и ошарашено оглянулись и, как ужаленные, отскочили в сторону. Такие два взрослых попрыгунчика...

Инна стала потирать виски не оттого, что их ломило, а словно движения пальцами должны были помочь определить ей степень точности ее воспоминаний.

– Послушай, дорогая, – мой хриплый шепот был вызван приятным ужасом от результата моего "воображения". Неужели я так просто смоделировал воспоминания о том? Так не должно быть! Неужели мне удалось выкопать "дальний" в нашей памяти эпизод, который оказался реальным?

Я ошоловело сел на кровати и прижался к её спинке.

– Ты понимаешь, что это значит? – проснулся окончательно!

– Нет.

– Выходит, что воображение не исключительный дар, а возможность, данная человеку помнить больше, чем ему практически важно и держать это в глубине сознания, как бы на всякий случай. Вспоминать, оказывается, можно как бы скользя по оси координат времени от минус бесконечности до плюс бесконечности. То есть, между прошлым и... будущим. Человек, получается, складывает часть памяти в общую копилку, чтобы потом, иногда, черпать необходимую ему информацию. Она, копилка, ну пусть, по-научному, база, существует отдельно, независимо от нас, являясь собственностью всего человечества! Знание о жизни людей уже записано во Вселенной, и, когда мы говорим о воображаемом будущем, просто считываем то, что уже есть и предполагается нашим сознанием! Вот так и не иначе!

– Напыщенно, замысловато, – развела руками Инна, – и слишком категорично! А я все равно считаю первой встречу, как разумную, конечно, когда ты заглянул в нашу библиотеку. – На ее лице появилось мечтательное выражение.

– Я знала всю свою девичью жизнь, что встречу именно тебя. Это знание не торопило меня с замужеством. Я отвергала все попытки ухаживания за мной, не почувствовав, что появился именно ты! Со стороны это выглядело странным и мои подруги допытывались: «Кого ты ждешь? Принца? Как Ассоль на берегу моря вглядываешься в горизонт, не покажутся ли алые паруса?» Ты понимаешь, что при этом добавляли они? Догадываешься? Но я действительно не знала, как в деталях произойдет наша встреча. И вот ты впервые вошел в нашу библиотеку, и мне сразу стало ясно, что ты, именно ты, единственный и неповторимый...

Меня тоже растрогали ее воспоминания, и я почти забыл о своем открытии.

А Инна продолжала:

– Ты появился среди стеллажей веселый, самонадеянный красивый молодой человек. И требовал последние номера толстых московских журналов.

– Меня распирало от гордости, – радостно поддакнул я, – напечатали мой первый опус, мое "продолжение" "Мастера и Маргариты! Мне позвонили из журнала и поздравили. Я искал тот номер.

– Ты был в нетерпении, – улыбнулась Инна, – ты пошел за мной следом к стеллажу, где лежала стопка еще не разложенных поступлений. Я оглянулась и мне показалось, что на меня наплывает облако... А потом представилась армада парусников, заходящих в морскую бухту неизвестного континента. Представились сигнальные трубы у вахтовых, матросы забегали, сигналисты махали разноцветными флажками. Я встречала эту армаду одна, аборигенка,

давно ждущая разнообразия в унылом существовании... Помнишь оформление сцены оперы "Юнона и Авось"?

Инна удивительно романтична. Огромная волна благодарности и нежности нахлынула на меня. За четверть века супружеской жизни ее душа не очерствела, не покрылась коростой обыденных обид, упреков и сожалений. Она каждый день с трепетностью невесты, идущей под венец, воспринимает мою близость с ней. Вот и сейчас Инна прижалась к моей щеке и очень медленно, мы пошли на сближение наших губ. От этой неторопливости и предвкушения поцелуй был изумительно сладким...

Прошел месяц с небольшим.

Вчера, когда я был один, а Инна ещё задерживалась, на память сама пришла сценка, как за год до школы в младшую группу детского сада пришла новенькая девочка. Я не видел ее лица. Людка Самойлова в полдник жевала крошащееся печенье, запивая его какао, своим шепелявым голоском щебетала: «А в младшей группе новенькая...»

С незнакомой мне девочкой я столкнулся один и, как оказалось, последний раз в... той жизни. Вопреки всем предупреждениям воспитателей мы притащили санки и взобрались на небольшую горку.

Очередной раз, съезжая с горки, меня потащило в сторону и я умудрился врезаться в дерево и потерять сознание..

А у столба внизу стояла новенькая.

Очнулся в кабинете медсестры: нас с этой девочкой повезли в поликлинику на рентген. Уже приехала мама. По пути медсестра рассказывала маме, что мои санки отлетели в сторону. От испуга новенькая девочка упала и расшибла бровь. Ей зашивали ранку.

В садик я тогда не вернулся. Приехала бабушка и просидела со мной до самой школы...

Раздался звонок в дверь. Я побежал в прихожую, включил яркий свет и пристально взглянул на вошедшую Инну.

– В чем дело, твои глаза как два монокуляра микроскопа высматривают микробы на моем лице!

– Нет, всё нормально, если так можно сказать. Тебе в детстве не лечили бровь?

– Ах это... Ты заволновался с большим опозданием!

Она молча приблизилась ко мне и пальчиком указала на едва заметный шрамик над правым глазом. Почти незаметный.

– Как я мог не разглядеть его сразу за все эти годы!? – Только и развёл я руками.

Тигион или Территория мысли

Книга первая

Звия

Предчувствие

Вы думаете, что невозможно перешагнуть через миллионы лет? Ещё как реально! Надо подумать о том, как оказаться в очень далёком будущем. Но сначала следует понять, что в другом времени многое не так, как в обычной жизни: и философия общества, и его развитие – совершенно иные... И тогда на помощь приходит анализ тенденций своего времени. Этот экскурс в диалектику даёт направление фантазии, как проекту будущего.

Необходимо отталкиваться от того, что мысль строит мир. Сначала это модель, цивилизация может воспользоваться и ею, а иногда и в сочетании с другой, не менее сумасшедшей, на первый взгляд, идеей. Ведь то, что происходит сегодня – разве не безумие, с точки зрения людей, живших всего лишь полвека назад?

Итак, я, как автор, начинаю верить в то, что пишу, когда «нащупываю почву» под ногами. Ведь так поступает и учёный, когда создаёт теорию, основанную на первых лабораторных результатах, когда вещество показывает неожиданные и противоречащие фундаментальным теоретическим основам свойства. И тогда человек начинает строить такую систему логических умозаключений, которая оправдывает новое поведение материи.

Глава первая

Через 1 час после вспышки

Конец июля 1982 года выдался архи жарким. В Вашингтоне, ближе к полудню, уже плавился асфальт. Именно поэтому в пятницу генерал Хейг с семи утра был в своём кабинете. После обеда в такие дни у него был запланирован час сна под кондиционером.

– Мэри, – вызвал он по селекторной связи секретаршу.

– Да, генерал.

Мэри никогда не называла шефа госсекретарём. Она стояла перед ним навытяжку, не старая и не молодая, не красивая и не безобразная.

– В корпорации «Дженерал Электрик» тебя ждут. Вот телефон. – Хейг перегнулся через стол, бросив подготовленную им карточку. – Свяжешься, когда тебе будет удобно.

– Спасибо, – несколько сухохато для благодарности сказала женщина.

Спросила:

—Подать сводку?

– Неси. О моей отставке президент доложит на утренней встрече. А пока не будем нарушать порядка.

Он хитровато взглянул на женщину. Она промолчала. Его воспитание!

Все помощники госсекретаря Александра Хейга тоже были на местах. За информацией Central Intelligence Agency следил референт доктор Браун. Сводку он передавал опять же через секретаря. Так уж было заведено. Но на этот раз Хейг, просматривая последние события, вызвал Брауна.

– Джордж, присаживайтесь. Вы должны поладить с Шульцем.

Доктор не дошёл до кресла и остановился. На лице его было написано крайнее недоумение.

– Почему?

– Ну, не надо изображать невинность, вы же аналитик.

Браун изогнул бровь:

– Ну да, имена у нас сходятся.

– Не поладите, пристрою. А теперь ответьте, что это?

Он протянул лист сводки с отмеченной красным цветом фломастера строкой. Сведения об СССР он помечал именно этим цветом.

Доктор ответил:

– Зафиксирован мощный выброс фотонной энергии на территории СССР. Это произошло на В центре пустыни Кара-Кум.

– Что значит – фотонной? Объясните – это связано с ядерной энергией?

– Нет. Это нейтральная элементарная частица с нулевой массой и спином 1.

– Отлично! Вспомним Гарвард. Итак, это природное явление или взрыв?

– Это шло от поверхности земли. Но не пуск ракеты. Время зафиксировано – 13.44 по Москве.

– Вы уже живёте по Москве?

Государственный секретарь подошёл к окну. Солнечные лучи упали на его лицо. Он резко развернулся и посмотрел на помощника:

– В недавней речи на пленуме Брежнев хвалился новым сверхмощным оружием, способном вызвать природные катаклизмы.

– Это возможно, если взорвать водородную бомбу на определённой глубине океана, что позволит спровоцировать цунами и вызвать гигантскую волну, которая сможет «вылизать» любое побережье километров на сто.

– А что, если предположить, что они сумели обуздать фотонную энергию, точнее то, что не может быть? В чем это может выразиться?

– Пока это из области фантастики, – пожал плечами доктор. – Русские в Дубне пытаются раскрутить частицы, но фотоны неуправляемы.

– А если они их приручили? Фантазируйте, доктор, ну! – потребовал генерал.

– Если допустить прорыв русских в экспериментах, – предположил референт, – то они могут через два-три десятилетия вывести космические корабли на световую скорость, или... Нет...

– Продолжайте, не стесняйтесь.

– В сочетании с лазерными установками они могут сжечь из космоса любой объект на нашей территории. Вывести из строя мощным направленным лучом любые атомные реакторы.

– Вы это серьёзно?

– Вы потребовали фантазий, я допустил это.

– И что же у них там, в пустыне?

– В том квадрате лишь буровая. Шахты ракет у них гораздо севернее, вот здесь.

Браун подошёл к карте СССР на стене и ткнул указкой, которую он снял с крючка за драпировкой.

– Тогда я не завидую Шульцу, он ещё не знает коварства советов. У них всегда что-нибудь подают на десерт.

Генерал сделал паузу. Опять мысли об отставке. Рональд дрогнул. Да, это не съёмочная площадка, господин президент.

– Наши друзья в сенате, – по тону Хейга было ясно, что это за друзья, – хотели избавиться от «ястреба»! Но ведь кто-то должен клевать головы русским. Да и не только им... Проект о вводе экономических санкций против Польши предложил как раз я, «ястреб». И вот, поверьте, доктор, осенью на выборах в конгресс демократы, используя мой уход, продвинулись. За нами останется сенат, но дальше – не знаю...

Александр Хейг как в воду смотрел. За две недели до Рождества Палата представителей Конгресса США откажется удовлетворить запрос президента Рейгана о выделении 988 мил-

лионов долларов на строительство и испытания первых пяти из 100 ракет класса «МХ». Но это уже другая история. А в то утро генерал Хейг сложил свои полномочия государственного секретаря Соединённых Штатов. Им стал Джордж Шульц. Он то и отправил доктора Брауна дослуживать в Центральное разведывательное управление.

36 часов до вспышки. Москва

Сергей Лемешев опаздывал. Он быстро проскочил вахтёра, лифт услужливо открыл дверь, и оказалось, что придётся подниматься на шестой этаж одному. Неужели все уже работают? Когда он шагнул в полутёмный коридор, то понял, что ошибся этажом, в запарке нажал на пятый. Это был закуток главного редактора, его заместителей и ответственного секретаря. Ковры, кондиционеры, тишина. Дом отдыха!

– Молодой человек! Лемешев, зайдите ко мне!

Ну надо же, главный редактор помнит его ещё молодым человеком!

Андрей Николаевич Артухов, как и все люди невысокого роста, славился коварным гостеприимством. Он, как рыбак, вылавливал опоздавших и тащил на леске вежливых слов в свой кабинет, на ходу приказывая секретарше подать им чая, а лучше – кофе, на две персоны. Первая персона был он сам – бог и царь всех этажей, где располагалась редакция «Комсомольской правды». Вторая – подвернувшийся под руку сотрудник. Чем грозила беседа в кабинете главного? Да ничем особенным: в конце мирного разговора о «Спартаке» и «Динамо», видах на урожай зерновых, происках американских спецслужб в странах социалистического лагеря, Артухов звонил редактору отдела, в котором работал провинившийся, и приказывал оформить командировку такому-то туда-то! Обычно место командировки выбиралось такое, чтобы болельщик «Спартака» почувствовал, что о «Торпедо», любимой команде шефа, нельзя отзывать пренебрежительно! И в командировочном удостоверении появлялись Колыма, Аральское море, Монголия...

Так что дисциплина в редакции два года, пока Андрея Николаевича не перевели в ЦК ВЛКСМ, была железной.

– Давно не были в командировочке, Сергей Иванович? – ласково заглянул в глаза Лемешеву главный.

– Да вот отписываюсь после Молдавии...

– Михаил Абрамович, – энергично звонил главный в отдел Сергея по телефону, – Лемешева – в Ашхабад. Нет, не через неделю, и не в пятницу, а завтра! Во вторник через неделю должен быть материал.

Всё коротко и ясно!

– Андрей Николаевич! – попытался было увильнуть от поездки Сергей. – Там же на солнце в июле 70, по Цельсию, градусов! В пустыне, говорят, яйца мгновенно запекаются.

– Что, что запекается? – но рукой Артухов показывал на один из телефонов, который залился трелью. Мол, всё, аудиенция окончена, дела.

– В песке запекаются яйца...

Уточнение было уже сделано рядом с массивной дверью, обитой кожей.

– Надо же, – послышалось сочувствие главного, – береги себя, Лемешев.

Это уже по ту сторону двери, как по ту сторону жизни.

Про яйца Сергей сказал от отчаяния. Волновало другое: в конце недели у него была назначена встреча со Светочкой Сергеевой, которая пригласила его на дачу родителей, с ночёвкой. Молодые люди познакомились в метро, у касс. В вагоне выяснилось, что имя и фамилия у них совпадают перекрёстным образом. Чем не повод для более близкого знакомства? Они уже успели встретиться несколько раз. Наконец Светочка предложила дачу. «Будем одни!» – сказала она. Сергей настроился на очень приятное во всех отношениях randevu. И вот облом из-за ошибки этажа в лифте! Артуховская казарма!

– Попал, дорогой? – Михаил Абрамович Коган вырастил огромные усы a-la Щорс, в которые коварно улыбался. – Не удивительно, что Туркмения! Вчера Артухову положили на стол республиканскую молодёжную газету, в которой промелькнула короткая заметка о колодце глубиной 220 метров! Самом глубококом в Каракумах, да и, наверное, в мире! Если считать природные пещеры и колодца. Есть возможность побывать на его дне! Вернёшься с полосой, – шеф сделал паузу, чтобы вложить в последующие слова весь пафос того замечательного времени, когда знаменитым можно стать, подвергнув себя смертельному риску ради общего дела, – встретим, как героя Космоса!

Сергей просунул руку за огромную тумбу своего письменного стола и вытянул недавно купленный индийский «дипломат», в котором находилось всё, что необходимо для таких экстренных случаев – от зубной щётки, блокнота для записей до фотоаппарата «Зенит» с запасом плёнок. Через минуту он уже забыл о свидании на даче.

24 часа до вспышки. Борт самолёта Москва – Ашхабад

Жара при выходе самолёта на глиссаду при подлёте к столице Туркменистана сдавила «героя Космоса» словно противника в классической борьбе, намереваясь положить на обе лопатки: по позвоночнику уже текли реки пота. Салон ТУ-104 превратился в парную бани. Взмокла рубашка, хоть снимай и отжимай! Хорошо, что народ здесь приветливый! Подкатила к трапу «Волга» ЦК комсомола Туркменистана. Инструктор отдела пропаганды и агитации Какагельды Байрамов, важный, сановитый, с животиком, спутником излишеств, вышел, чтобы под белы руки (у него были темные руки, как у любого местного жителя) проводить гостя к машине. И гостиницу подыскивали уютную, коттедж для важных гостей в Ботаническом саду.

– Это же настоящий оазис прохлады, дорогой, здесь рай, – по-свойски склонился над ухом Какагельды.

Он лично провёл гостя в домик, открыл холодильник, забитый египетским пивом Stella, копчёной каспийской осетриной, запотевшими бутылками водки. Камера для овощей была полна крупным виноградом сорта «Дамский пальчик», гранатами и инжиром.

В первый же вечер Какагельды и редактор «Комсомольца Туркменистана» Мурад Гафаров в ресторане, примыкающем к Ботаническому саду и скрытым под сенью густых, экзотических для Туркмении дубов, угостили москвича пловом и шашлыком под многочисленные тосты. Наконец Сергей пришёл в тупое созерцание стройных ног разбитной официантки, которая разве что не садилась к нему на колени! И села бы юная проказница, сделай москвич ей знак. Но единственное, на что был способен столичный журналист, так это вспоминать Артухова со смешанными чувствами благодарности и ненависти...

Утром его поднял звук клаксона «Волги», остановившейся перед гостиницей. По Ашхабаду уже бегали «Жигули» первых моделей, но престижными в мире партийной и, естественно, комсомольской номенклатуры оставались «Волги», машины Горьковского автозавода.

Лемешев, морщась от боли в висках и тяжести в затылке, войдя в ванную, взглянул в зеркало. Но вместо мрачного человека, страдающего похмельем, увидел молодого мужчину с весёлым оскалом ровного ряда белых зубов. В отражении светлые, почти льняные, волосы истинного русича очень необычно сочетались с чёрными бровями. Голубые глаза, как у Алена Делона. Всё это производило на женщин неизгладимое впечатление.

Он знал об этом, но считал, что не родилась на свете та избранница, которая бы завлекла его в сети Гименея.

– Ты презираешь всех нас, красавчик, – сказала однажды на вечеринке в столовой редакции бойкая машинистка Глория, она же Акулина Мамонова из-под Тулы, мечтавшая подхватить москвича с университетским дипломом и родителями-партийными боссами. По энергии и любви к экспромтам она походила на героиню Ирины Муравьевой из кинофильма «Москва слезам не верит». Холостяк Сергей Лемешев давно привлекал её внимание, хотя это «давно» составляло всего семь месяцев после появления Глории в редакции.

– Это наглый поклёп, – усмехнулся Сергей, и после вечеринки девушка оказалась в его квартире.

– Потрясно! – так Глория выразила своё восхищение большим количеством африканских масок в комнате Лемешева и плюхнулась на тахту, открыв для широкого обозрения привлекательные ноги. Плюшевое чудовище, напоминающее Чебурашку, подаренного мамой Сергею в его детсадовские времена, подскочило и неуклюже зарылось головой в угол тахты, прижимая к своим тряпичным ушам полусогнутые лапы. Приговор был окончательный. Как истинный джентльмен, лишь ближе к полуночи Сергей вызвал для Глории такси, которое доставило девушку в редакционное общежитие в Сокольниках.

Это было ещё при жизни мамы Лемешева, которая была очень рада, узнав, что Глория выскочила замуж за старшекурсника факультета геологии МГУ, который однажды принёс в редакцию свой труд для публикации. Это было что-то о психологии молодёжного коллектива геологической партии в условиях суровой тайги...

Сергей расслабленно сидел на переднем сиденье «Волги», которая несла его на аэродром. По очереди инструктор Какагельды Байрамов и Дурды Сахатов – худощавый главный инженер треста «Туркменспецводопровод» – развлекали его анекдотами. Затем разговор принял темп неспешных вопросов, требующих таких же обстоятельных ответов.

В этой республике Сергей был впервые. Здесь успешно работал их собственный корреспондент Василий Кирсанов. Но его месяца два назад взяли в «Правду». Вот почему Артухову нужна была «география» и «экзотика».

Что за порода людей, думал Сергей, наблюдая за своими собеседниками. Просто из чиновников, добравшихся до заметных вершин, но ещё не почувствовавших предела мечтаний «аппаратчика-альпиниста»? Или это была смесь истинного гостеприимства с расчётливой восточной угодливостью: что в Москве скажет о них он, человек с трудной для произношения фамилией? Дурды Сахатов так и переспросил при знакомстве: «Лэмэсев»? На это Сергей с улыбкой ответил, используя вчерашнее общение в кругу туркмен: «Ова, ова», то есть «Да, да». Не станешь же поправлять людей, в алфавите которых нет мягкого знака! Их ждал зелёного цвета вертолёт МИ-4. Когда все оказались в его по-армейски простом салоне, главный инженер, человек простодушный, достал из своего портфеля (Сергей усмехнулся – прекрасное изделие из кожи крокодила служило котомкой!) бутылку туркменского коньяка, «визитную карточку» в длинных коридорах министерств в Москве.

– По глотку, Сэргэй?

– Нэт, дарагой, – в тон Дурды (почему-то к имени инженера хотелось добавить «Мурды») ответил корреспондент, – мне бы аспиричику.

Инженер с явным непониманием обстановки пожал плечами, пряча бутылку (сам он не очень любил коньяк, русская водка лучше), и достал аспирин, обнаружив этим полную осведомлённость о состоянии корреспондента и готовность всячески угодить.

Организм быстро согласился с приёмом лекарства, и голову отпустило настолько, что Сергей задумался над судьбой мух, жужжащих в салоне. Вроде бы праздное занятие, когда летишь над морем серо-жёлтого песка, которому ветры придавали вид огромной стиральной доски. Блеснула нитка идущего к столице канала. О его строительстве писали только в восторженных тонах. Потянулись барханы и низины между ними, с тёмными вкраплениями пустынной растительности. Приземлится вертолёт, мухи вылетят, лениво иронизировал по поводу своих мыслей Сергей, а что потом? Они же, как домашние животные, пропадут без человека!

Что за чушь лезет в голову? Зря он отказался от коньяка. Не ровен час, по мухам заплачет! А Светочка обиделась, когда он отложил встречу из-за командировки. Студентка планового института немного помолчала и объявила в телефонную трубку, что последует вечному закону арифметики о том, что от перестановки слагаемых сумма не меняется.

Жаль, но это не смертельно. В свои 29 лет журналист сумел выработать защитную реакцию от всякого рода недоразумений с прекрасным полом – равнодушие и к их, и к своей судьбе. Он закрыл глаза.

Шум двигателей уже не раздражал, а стал убаюкивать. Растревоженный темой любви, он подумал об однокласснице Наденьке Свирской. После выпускного вечера они уединились

у Верки Самойловой и до самозабвения целовались, настолько распалив себя, что дошли до неизведанного, а затем, до конца не осознавая, что произошло, вернулись к столу, поклявшись любить друг друга до гроба.

Получилось – до Наденькиного. Через день её сбила машина, и Сергей, это случилось одиннадцать лет назад, впервые после смерти отца познал мерзкую способность жизни создавать вакуум желаний. Ему вспомнилась мало кому известная тогда в стране трагедия в Донецке, когда пятиэтажный дом ушёл под землю – в рукотворный вакуум выработанных шахт. Дом стал могилой для многих людей. Лемешев, спецкор «Комсомолки», летал тогда на место трагедии, но репортаж из-за цензурных соображений так и не вышел.

Сейчас Сергей подумал, что его любовь к Наденьке была таким же исчезнувшим в пустоте земных пород домом...

Дурды-Мурды показал рукой в иллюминатор: там детской игрушкой замаячила буровая вышка. Базировались колодезкопатели в двухстах метрах от посёлка буровиков. Поэтому вертолёт пошёл на посадку.

4 часа до вспышки. Центральные Каракумы, колодец Азатлык

Ничего похожего на строительство колодца не было. Сергей увидел хибару со стенами из самана, которую, вероятно, построил самый ленивый из известной троицы поросят Ниф-Ниф. Неподалёку застыл в нелепой позе колёсный трактор «Беларусь», был ещё холм какой-то глины, спёкшейся на солнце в тёмную, шоколадного цвета массу. За холмом мелькнуло и пропало серое кольцо колодца.

Бригада строителей собралась в полном составе. Семь человек поочерёдно протягивали то ли грязные, то ли загоревшие до коричневых оттенков кожи руки для приветствия. Затем все расположились под навесом из брезента с восточной стороны домика, который оказался достаточно крепким (всё-таки его построил трудолюбивый Наф-Наф!). Горячий ветер пустыни нёс удушье начинающейся жары. Было часа два к полудню, небо потеряло синеву, превратившись в блёкло-грязную шатровую накидку.

Пили зелёный чай и вели неспешную беседу. Больше о политике, которую делали в Москве. За тысячи километров от столицы СССР в пустыне, оторванные от жизни, строители, комсомольский функционер и главный инженер треста задавали Сергею вопросы односложные, но с глубоким подтекстом: «А правда ли то, что?» Лемешев не знал, от чего больше устал: то ли от жары, то ли от искреннего интереса людей к жизни политической верхушки. А что в ней интересного? Люди у власти были такими же в своих обыденных поступках, как и все смертные, но у них было больше возможностей предавать своим страстишкам слабостям некий статус государственной важности.

Наконец, бригадир, невысокий коренастый туркмен с чёрной копной волос, перемешанной с песком, придавшим голове пепельный налёт, оценил скрытое раздражение гостя, вынужденного говорить, а не заниматься делом, кивнув ему и Паше-мотористу, направился к

колодцу. Лемешев с радостью схватил свой фотоаппарат, проверил наличие блокнота в заднем кармане брюк и вышел за бригадиром.

В пустыне с полудня до шестнадцати часов негласным распорядком дня установлен обед с дремотой. В норах в это время спали тушканчики, степные лисы и волки, вараны «земзен». Даже змеи, найдя тень в сплетениях пустынной полыни, зарывшись в песок экономили силы для ночной охоты на мелких грызунов. Лишь медленно ползущие черепахи в растерянности смотрели на свои укрытия, не понимая, как это они отважились покинуть их?

У Мерета-ага был свой резон быстрее ознакомить москвича с колодцем. Ему надо было к вечеру закончить облицовку самой нижней части южной стены "тоннеля" вглубь.

Внешне колодец пустыни не отличался от обычных, какие можно встретить в сельских дворах туркмен, где не было водопровода. Снаружи он представлял собой кольцо, обложенное кирпичом и покрытое слоем глины.

Если заглянуть в такой колодец в ауле, то можно увидеть тёмные отблески воды. Здесь же Сергей ничего, кроме пустоты, в нем не увидел. Его «О-го-го!» безвозвратно ушло в нутро колодца.

Моторист засмеялся:

– Ответа не жди.

Однако Сергею показалось, что эхо всё-таки вернулось вздохом человека, ослабевшего в бесполезных потугах выбраться на поверхность, «Ой-ой-ой»...

Бригадир лично осмотрел трос, заставив моториста запускать лебёдку на спуск и подъём. Ещё раз изучил состояние «парашюта» – кожаных ремней, переплетённых крест-накрест в виде сиденья. Включил свет в колодце: по электрическому проводу от генератора трактора вниз была спущена 12-ваттная лампочка. Всякое ведь предполагалось!

Профессия колодце копателя опасна. И об этом говорили их названия. На севере Каракумов один такой называли «Адам босаном» – «Человека задавило», рядом «Адамо клен» – «Человек умер». В ста сорока километрах к северу от Ашхабада – «Ойкенсиз» («Нечем дышать»), а чуть ближе к Старому Мерву есть колодец «Джангуторан» («Спас себя»). Колодец с таким названием копал сам Мерет-ага. Это его слава!

И, дав инструкцию ни в коем случае не приближаться к краям и не трогать стены, пригласил москвича занять место в «парашюте».

– Несколько минут и сразу же наверх! – напутствовал бригадир. Важным его кивком головы поддержал главный инженер. Инструктор остался в кибитке. Было слышно, как он кричал, захлёбываясь от смеха: «Вах, шайтан, вах-вах, шайтан!»

Когда Сергей занёс ногу, чтобы просунуть её между ремнями «парашюта», вертолёт, взревев двигателем и подняв песчаную бурю, резко ушёл на юг. Он улетел на базу до завтра. Сергей Лемешев не знал, что это завтра будет совершенно отличным от других дней его жизни.

18 минут до вспышки

Впоследствии Сергей вновь и вновь будет пытаться мысленно повторить спуск в колодец, приведший его к положению, которое перевернуло его жизнь.

Итак, всё начиналось с неторопливого скрипа лебедки от работавшего трактора. Когда пошли оштукатуренные стены колодца, ещё освещаемые дневным светом, у него вывалилась записная книжка. Она, шурша, прошла по жерлу колодца, а затем где-то в глубине шлёпнулась. Звук Сергей не услышал, ревел двигатель вверх, но появилось представление о шлепке. Сергей не зло выругался, но тотчас же забыл о блокноте, потому что сравнил колодец с глубоко врытой в землю гигантской пушкой, из которой Жюль Верн запустил снаряд к Луне.

Ствол колодца книзу постепенно расширялся, превращаясь у дна в сферу для заполнения двумя-тремя тоннами холодной пресной воды. Ею можно вдоволь поить каждый день отару овец. Ничего интересного в стенках колодца, обработанных цементом, Лемешев не увидел, хотя предполагал за ними настоящее наслоение геологических эпох.

Вчера в ресторане, между тостами, в их беседу вмешался оказавшийся за соседним столиком директор Института пустынь Академии наук республики Агаджан Бабаев. Он бубнил специфическими терминами о том, что Каракумы – это намётанный древними водами песок, ведь раньше здесь было сравнительно мелкое море, подступавшее к Памиру. Доказательства – в найденных в песке пустыни морских кораллах и окаменевших крокодилийх яйцах.

Когда ноги коснулись дна колодца, движение остановилось. Там, наверху, трос был размечен красными полосками, а журналист перед спуском гадал, глядя на банку с краской, зачем всё это? Только тишина и тьма, потревоженные дыханием человека и автомобильной лампочкой, испуганно мерцавшей на глубине 220 метров. Сергей, слегка раскачиваясь в «парашюте», думал о том, что 120 миллионов лет назад здесь, на мелководье моря было тепло и тесно от тварей. А, может быть, остров с тропическими растениями и животными? Различные особи, ползающие, прыгающие и летающие, грызлились между собой. Они подавали пример обезьянам, и те сохранили этот образ жизни для людей...

Сергей усмехнулся. Он увидел записную книжку, валявшуюся птицей, сбитой и распластавшей белые листочки, как небольшие крылья. Забыв о предупреждении Мерета-аги, встал на грунт. Тот дрогнул, прогнулся словно спина живого существа. Стало ясно, что под ним уже накапливалась вода, просачивающаяся из подземной линзы. Свет лампочки, бросаемой при движении сплосхи, освещал не до конца обрешеченную стену. Оставался лишь сегмент в рост ребёнка. И там, наверное, земля невероятной древности! Лемешев, опустившись на колени, дотронулся руками до грунта и ощутил прохладу сыроватого песка, который был крупнее того, что наверху, горячего, пыльного, истерзанного ветром. Сергей прижался ладонями и щекой к влажному песку, как путешественник, вышедший из жаркой пустыни и упавший на берегу моря. Остатки похмельного вхождения в рутинный репортаж вмиг исчезли. Прорезалось мысль о том, что неплохо бы найти здесь древнюю ракушку или окаменевшее яйцо какого-нибудь «завра» той эпохи! Лемешев, как ему казалось, осторожно погрузил пальцы в песок, уходящий в стену колодца. Тот уже подсох, даже на такой глубине, и легко поддался. Ещё усилие и кончики пальцев действительно нащупали нечто твёрдое. У Сергея сразу же от волнения захватило дух: либо это круглый камень, либо яйцо динозавра! Ладони уже ощущали его глад-

кую поверхность. Наконец обе руки захватили этот круглый предмет. Внезапно зашуршало под ногами. Молодой человек замер, вспомнил об инструктаже бригадира быть осторожным и намеревался ползти спиной к «парашюту». Он резко потянул к себе находку, стремительная лавина песка опрокинула его.

Последнее, что даже не услышал, а почувствовал Сергей – это хруст в спине, принёсший сильную, но кратковременную боль, которая была последней в его жизни...

Миллионная доля микросекунды до вспышки

На грудь мёртвого человека в нелепой позе вывернутой навзничь куклы, выкатился мяч. Он вспыхнул и занял всю сферу колодца. Неуклюжее тело словно невесомое поднялось в центр этой светящейся сферы, которая через мгновение исчезла.

Глава вторая

Десять минут после вспышки

Это был удивительный сон, гораздо позже случившегося в колодце. Сначала был яркий свет. Затем каким-то внутренним зрением, не ограниченным рамками времени и пространства, Сергей увидел неведомую прекрасную планету. Он взлетел высоко-высоко, а потом стремительно ринулся вниз на кроны деревьев. Вдалеке виднелся океан, его скалистый берег, мелькала голубая змея реки. И никакого намёка на присутствие людей. Единственным человеком был он сам, приземлившись на низкую тахту с тускло-белой поверхностью в той же позе бесчувственного манекена, облепленного песком.

Эта картина не вызывала ни ужаса, ни сочувствия. Было лишь ощущение некоей развязки, что тело, неподвижно лежащее на столе, уже никогда не оживёт. Возможно, появится патологоанатом, который, покуривая дешёвые сигареты, вкатит тележку со скальпелями, пилами и ручной дрелью – нечто похожее на комплект инструментов краснодеревщика. Чуть позже выкурит всю пачку, раскромсав тело, измочалит полотенце о свои руки и лоб, ожидая подхода практикантов местного мединститута, чтобы те зашили всё, что осталось на столе. И молодые ребята начнут тыкать в него, Лемешева, иглами и с опаской поглядывать на лицо покойника: не поморщился ли тот от боли?

Но этого не случилось, а в «операционную» влетело пульсирующее облако. Оно зависло над неподвижным телом, словно изучая его состояние двумя изумрудами, затем обратилось к сознанию Сергея с вопросом: «Будем жить?»

Он попытался с энтузиазмом кивнуть головой в знак согласия. И этот внутренний жест был понят облаком. Столешница стала мягкой и обрела форму саркофага, непонятно откуда взявшаяся прозрачная жидкость залила тело, которое оказалось будто под коркой льда. В одном из фильмов про Аляску по Джеку Лондону Сергей видел подобный кадр с замёрзшим

в воде искателем золота. И всё. Сознание Сергея погасло и провалилось в темноту, в безвременье.

Десять земных минут после вспышки

В закрытые веки забил свет, и Лемешев приоткрыл глаза. Над ним был потолок больничной палаты – без трещин на стыках плит и осыпающейся извёсткой. Вероятно, Сергей попал в палаты Четвёртого управления для партийных больных! А как же иначе, смешливо подумал Лемешев, и стал поочерёдно поднимать руки и ноги, проверяя своё состояние.

Похоже, его вытащили из колодца и вертолётom отправили в Ашхабад. И это произошло так давно, что боль осталась в прошлом, а теперь каждая клетка его тела рапортовала о силе и неограниченных возможностях! Так было в шестнадцать лет, когда он, на глазах Наденьки Свирской, взобрался на самую верхнюю площадку вышки для прыжков в бассейн. Тогда ему показалось, что он высоко взлетел вверх, и, вынырнув, сильными рывками поплыл к девушке, подбежавшей к краю бассейна.

Сергей поднялся, свесив ноги на пол. Никаких видимых следов от травм и операций в прошлом не было. Посмотрел на запястье правой руки и не обнаружил шрама. То был след о схватке у кафе, когда он, защищая Наденьку от подвыпивших ребят, подставил руку под нож. Но ещё более поразительное открытие ввело в шок – не было шва от аппендицита! Затем пришла очередь для изучения колена левой ноги со сдвинутым мениском. Чашечка сидела крепко и не думала шататься.

«Чьё это тело?» – обожгло Сергея.

Словно в ответ его грудь вздыбилась от избытка свежего воздуха, несмотря на то, что палата была похожа на изолированный куб.

Он спрыгнул на пол и обнаружил под столиком нишу, в которой лежали аккуратной стопкой майка, трусы, бежевые рубашка, брюки, носки. Лёгкие туфли стояли чистые. Ничто не говорило о том, что он был принесён сюда с каракумским песком. На стопке лежали паспорт, удостоверение корреспондента, бумажник с выданным авансом, разные мелочи. Всё в целости и сохранности! Вот за это огромное спасибо администрации больницы!

Сергей быстро оделся, отметив необыкновенную шелковистость и мягкость тканей. Всё было свежим и благоухало лёгким запахом хвои. Да и его туфли выглядели так, будто только что сошли с фабричного конвейера!

Вот это обслуживание! Всё новое! И одежда, и обувь и... тело! Да, тело – от этого можно было рехнуться!

В волнении Сергей зашагал из угла в угол, меряя шагами небольшое пространство неожиданной камеры. Несколько раз он пнул ногой стену. Нога крепка, а стены крепче! Неужели он попал в психушку? Если так, то многое объясняется. У него больной мозг и он не видит своего

старого тела. А не произведён ли над ним дьявольский эксперимент? Может, это секретный научно-исследовательский институт?

Друг Пашка, старший лейтенант КГБ, рассказывал как-то ему об исследованиях, проводимых на Западе с ЛСД – мощным наркотиком-галлюциногеном. Друг утверждал, что ЦРУ экспериментировало с особым грибом, мескалином, амфетаминами и марихуаной. А в качестве подопытного материала для исследований широко использовались бомжи и проститутки. ЦРУ заманивало их в конспиративные квартиры, где их поили соответствующим образом приготовленными коктейлями, после чего скрупулёзно фиксировали их реакцию на препараты.

А кто мешает КГБ экспериментам над ним? Возможно сейчас, когда он иллюзорно воспринимает себя, своё тело, идёт скрытое наблюдение и запись его поведения и реакций...

И вдруг он вспомнил, что был в командировке и полез в глубокий колодец! Значит, с ним что-то произошло, и он доставлен сюда на излечение. И вот он здоров, а в голове полная неразбериха! Если так, то наблюдайте за мной! Это лучше, чем быть без контроля.

Лемешев, уже одетый, демонстративно лёг на стол, закрыл глаза и...

Его камеру наполнил запах полевых цветов, словно приоткрылось окно в его далёкое детство, на их летней даче! И острота ощущения возврата в те счастливые годы была такой сильной, что слышался гомон птиц, скрытых в кронах деревьев, лай соседской собачонки, урчанье подвесного мотора лодки, скользившей по небольшому, но глубокому и чистому озеру, которое было видно из их маленького дома.

Слышалось, как родители прыскают от смеха в своей комнатке под ним, на втором этаже, и снисходительно улыбнулся: такие взрослые, а забавляются, как дети!

Он помнил, что мама с распущенными по плечам волнистыми волосами цвета начищенной меди всегда вызывала в отце восхищение. «Моя прекрасная Медь!» – это слова отца. А сам он был подтянутым неунывающим человеком. Батя – так его звали и дома и на корабле – всегда возился с книгами, удочками, охотничьим ружьём...

Неожиданно Сергей увидел себя с Катенькой Свирской в парке Измайлово. Тогда, на День Победы, был точно такой же майский луговой запах цветов. Они сидели под тенью лиственницы и любовались друг другом, хотя договорились готовиться к экзаменам. Раскрытая на «Евгении Онегине» хрестоматия лежала на их плотно соединённых коленях...

Сердце забило от счастья человека, возвратившегося в город юности после долгого отсутствия. Он открыл глаза и нахмурился: снова тот белый куб. И ни одной зацепки на то, что за ним наблюдение. Ни отверстия, ни скрытой заслонки, ни зеркала, за которым бы стояли люди в белых халатах...

Вдруг одна из стен санитарного блока стала на глазах истончаться, пока не исчезла совсем. И открылся захватывающий дух простор, залитый солнцем и морем цветов. Это был запах смеси клевера, ромашки, полыни.

Мир, имя которому Тигион

Сергей выбежал на поляну, и ноги сразу же оказались по колени в траве и цветах. Он остановился, чтобы понять, где находится?

Поляна была пологим берегом озера, противоположная сторона которого упиралась в плотную стену вековых сосен. Слева от себя он увидел пещеру. По каменному козырьку грота с лёгким плеском стекала широкая полоса воды. За ней угадывалась каменистая площадка. И, похоже, на ней кто-то был. Или ему показалось?

В бликах водной глади озера отражались солнце и облака на небе, неестественно синим, словно взятым с глянцевой открытки.

Что это за местность? Обернувшись, Сергей увидел, кроме санпропускника, у которого исчезла стена, ещё несколько невысоких строений с ущербностью недостроенных домов. У некоторых не было крыш, не хватало даже двух стен, словно это был недостроенный детьми городок из конструктора. Но ни одной души в этих полу домах и рядом с ними не было. Лишь ветер покачивал верхушки деревьев, рябил поверхность озера, заставлял кружить в неопределённом танце одуванчики.

По времени похоже на позднее утро, когда солнцу до зенита оставалось подняться час-полтора, и пока не чувствовалось изматывающего обилия ультрафиолетовых лучей.

Всё было таким неназойливо-первозданным, дышащим покоем и красотой, что приходили мысли о рае. О рукотворном рае, потому что лубочные синевы неба, искусственная извилистость озера, немыслимое смешение самых разнообразных деревьев и полевых цветов требовали выглядывающего из чащобы ветвистого оленя и пару лебедей на глади озера в искажённой перспективе.

Лемешев побежал к воде, бросая на ходу одежду. Вода, принявшая его с какой-то почти осязаемой готовностью, была тёплой, но необычайно плотной. Словно на Мертвом море в Израиле! Он легко держался на плаву, поняв, что здесь не утонешь. Сквозь идеальную прозрачность не соленой воды он видел водоросли, разбросанные островками, стайки не боящихся человека пресноводных и морских рыб, речных раков и крабов. И все занимались своим делом, но не мешали человеку, словно им был дан некий запрет на любые контакты с людьми. Станный мир.

Притягивало дно, и он, сделав кувырок, отталкивающими движениями рук стал опускаться вниз. Но вода с погружением вниз становилась все плотнее и плотнее, словно Сергей давил своим телом на пружину, и она, сжатая до конца, резко выбрасывала его, Лемешев вылетал высоко вверх, как пробка! Это было бы забавно, находишься он в компании друзей и девушек. Но здесь происходило нечто иное.

«Я должен коснуться дна», – приказал он то ли себе, то ли неведомому миру. И неожиданно вода отступила от ног, дав ему идти по чистому и твёрдому дну. Но не отсутствие ила поразило Сергея, а догадка, что в этом мире всем управляет мысль человека, его желания! Чтобы подтвердить это безумное открытие, Лемешев приказал: «Буду дышать здесь!»

Вода отступила, потеряв свойства жидкости, и окружила человека обычным воздухом, и он, как мифическое божество, гордо зашагал по дну озера, направляясь к пещере. Именно к ней вели кем-то проложенные широкие ступени.

Когда его голова появилась над поверхностью то ли воды, то ли воздуха, он ясно увидел широкий водяной занавес, закрывающий вход в пещеру. Лучи солнца искрились в потоке воды, падающей с каменистого козырька грота, и в их преломлённом водой свете мелькнул силуэт женщины.

С радостью человека, ожидающего встречи с близким и любимым родственником, Сергей решительно, почти бегом, преодолел последние ступени, прошёл завесу из очень холодной родниковой воды, и оказался в нескольких метрах от обнажённой девушки, которая играла с потоком воды – ловила ладонями струи, плескала себе в лицо и, казалось, не видела ничего вокруг, наслаждаясь одиночеством и наготой.

Встреча

На вид она была очень молодой и с телом, бесподобным по пропорциям, лишённым малейших погрешностей, какие природа любит оставлять, как художник свою подпись в затемнённом уголке картины. Но был изъян, сразу же настороживший Лемешева: голова незнакомки была лишена волос. Череп был розовым, и его, словно купальную шапочку, придерживали красивые небольшие ушки.

Он присмотрелся к явно поющей девушке, судя по мимике лица, безмолвно открывающемуся рту, обнажавшему идеально белые изящные зубы, та была ещё и глухонемой.

Несмотря на эти не очень весёлые наблюдения Сергей заворожённо смотрел на прекрасную грудь, живот, соблазнительный треугольник тоже без волос. Женщина ожидаемо обратила на него внимание, взглянув так, словно давно уже знает своего гостя. И улыбнулась, не говоря ни слова.

И Сергею снова пришла мысль о том, что здесь какая-то лечебница, в которой выправляют мозги. А, может быть, ей голову выбрали перед операцией? Но после такой процедуры кожа головы при таком солнце темнеет.

Все эти наблюдения сделали невыносимым незнание подробностей того, что с ним произошло. Лемешев срывающимся голосом почти крикнул:

– Где я и кто вы?

Его слова взорвали тишину, превратившись в гром. Всё вокруг озера и само оно словно оцепенело от неожиданности – вода прекратила шуметь, птицы и звери в чаще замолкли. Девушка взглянула на Сергея в упор и не отводила своих огромных зелёных глаз, отчего гостя охватила паника: ему показалось, что он видел эти горящие сапфиры – в каком-то сне или в бреду.

– Ты находишься у меня, точнее, в моём тигионе. Я – Звия.

У неё оказался чистый и мелодичный голос. Слава богу, она говорит и слышит! Но здесь же пришло понимание, что они оба обнажены. Это заставило его скрестить руки на паху и покраснеть. Чёрт, как всё вышло, одежда осталась на берегу.

– Тебе неприятно быть без одежды? – с любопытством спросила Звия. – Я работала над твоим телом, по сути воссоздав его снова и придав свойства моих современников. У нас нет стыдливости перед обнаженными телами. Ведь всё так естественно! Ты видишь в этом неприличие?

– Да как-то непривычно, – замялся Сергей, – словно мы муж и жена и знаем друг друга сто лет.

– Ой, я забыла, что в ваше время рождение детей, точнее их зачатие было обставлено первобытной моралью. Но у нас этого нет, мы здесь без комплексов. Ты на моей территории, где я отдыхаю и могу позволить делать всё, что хочу. Это мой тигион – мой мир, данный мне на моё время жизни! Сергей слушал её, так и ничего не поняв, хотя эта игра об отсутствии приличий ему понравилась.

– Повторяю, это мир мой, я его хозяйка. Он соткан из моих мыслей и желаний, – и засмеялась, – ты посчитал, что я ничего не слышу и не могу воспроизводить звуки?

– Любой бы на моём месте так подумал, когда бы увидел пантомиму игры с водой. Теперь понял, что это твоя дача?

– Дача? Нет, это не загородный участок с домом, – Звия говорила, словно сверяясь с невидимым справочником о жизни того времени, в котором жил Сергей. – Это, говорю по слогам – ти-ги-он, – словно учительница младших классов непонятливому ученику. – Каждому из живущих на планете после пробуждения даётся право иметь свой тигион. Это мой мир, в котором я нахожусь после Саркофага.

– А что такое Саркофаг?

– Это хранилище наших тел.

Ну, вот он, налицо бред шизофренички с комплексом кладбищенского склепа.

– Каких тел?

– Триллионов людей, которые живут тысячелетиями, благодаря созданию виртуально-материального тигиона. Мы находимся в миллионе лет от твоего времени. Земля – это пустыня, а спальные города находятся на орбите. И мы там спим.

– Хорошо, разберусь, – Лемешев уже махнул рукой, – об этом можно позже. У тебя есть родные? Родители, братья, сёстры? Ты слишком молода, для владения таким участком, с лесом и озером, или тебе всё это дали родители?

– Много вопросов, и все они, так или иначе, приведут к тигиону. Можно пройти в более удобное для беседы место. Я могу приказать выстроить здесь гостиную, установить тишину, но не хочется. Мне нужны это озеро, лес, пляж, поляну цветов. Полетели!

Вот-вот, Сергею осталось ещё немного полетать! Звия взяла Сергея за руку, при этом он почувствовал необъяснимо родную волну тепла, и они тотчас же выскользнули из-под козырька пещеры, поднялись в голубое небо и полетели над поляной. Просто так, словно это было продолжение бесконечного сна!

Они зависли (как же без этого!) над одним из домов с недостроенной крышей, спустились внутрь и оказались в просторном помещении. Всё произошло по тем же законам отключки в глубокий сон – быстро и, как бы выразился Сергей, безболезненно. Поэтому ему оставалось только созерцать этот удивительный мир.

– Мой дом для гостей, располагайся, – сказала Звия и добавила, явно обращаясь к своему дому: «Крыша» и снова к своему гостю, – ты любишь посидеть дома под шум дождя за окном?

Сергей кивнул головой: ещё бы, это его самое главное желание после полётов!

Звия была рада, что её предположение о внутреннем мире гостя, как о человеке сентиментальном, не лишённом поэтических стремлений, подтвердилось. Конечно, ей проще было читать в его голове незаметно для Сергея о мыслях – страхах и восторгах, желаниях и сопротивлении недостойным поступкам, отвлекая реальным общением. Он ещё не понял, что в своей жизни Звия руководилась твёрдым правилом: хочешь добиться успеха в каком-либо деле, а общение с себе подобными самое сложное из них, будь честна и оправдывай доверие собеседников. Кажется, пятьсот или шесть сот лет назад это правило заметил и оценил Великий Графист.

Дом

Гость Звии услышал лёгкий шелест. Он поднял голову. Открытое пространство над ними быстро затягивалось прозрачным куполом. Тотчас же небо заволокло тёмными тучами и по куполу забарабанили капли, разбиваясь о прозрачную преграду. Света в помещении не убавилось, но он, при своей силе, стал слегка приглушённым и исходил всё от того же купола.

Звия заняла удобное кресло, с готовностью вобравшее её. Она была по-прежнему обнажена и не озаботилась о какой-либо накидке. Лишь когда подтянула к себе край круглого стола, отчего тот, словно был из пластилина, твердеющего на глазах, образовал удобный сегмент, на её прекрасной твёрдой груди появилось нечто грудничка перед кормлением.

Но не только это удивило Лемешева. Он прошёлся по комнате. У глухой стены на уровне коленей находилось нечто вроде колыбели, на две трети ушедшей в стену. Сергей потянул за выступающий край этого предмета, и тот поддался, обнаружив себя как выдвижную кровать. Стало ясно, что она может быть таких размеров, какие понадобятся, чтобы уложить или одного человека, или гарнизон гостей. Сергей от мысли, что может оказаться вместе со Звией здесь на долгую безумную ночь, покраснел и тотчас же лёгким движением руки вернул соблазнительное ложе на место. Он догадывался, что все его мысли обнажены, как и он сам, и не являются

секретом для девушки. От этого краска не сошла с его лица, и он поспешил к окну скрыть своё неловкое обращение с желаниями.

Окно привлекало какой-то неправильной перспективой. И Сергей стал изучать ещё одно техническое изобретение, явно недоступное простым смертным. Всё-таки это лаборатория! Он покрутился у окна. Если смотреть прямо, то открывалась та панорама, которая соответствовала действительному расположению дома, но, стоило посмотреть из окна вбок, как открывался угол дома, а за ним и вся поперечная стена снаружи, и при желании открывался вид на заднюю стену дома. Это было похлеще аттракциона кривых зеркал в летнем городском парке!

Звия наблюдала за ним с интересом патологоанатома: каждое слово, словно надрез на теле. «Странно, – подумала она, – только что узнала человека и вместе с этим стала понимать мир, в котором он только что жил, и, вероятно, вернётся в него. Кто же ей позволит принять ещё одного нахлебника Саркофага? Может как раз его появление и нарушит священный баланс веса спящих людей и самой Земли? Впрочем, что она может сделать Сергей снова встал строго по его центру. Перед ним была поляна, а дальше тускло блестело озеро, покрытое пузырьками от лёгкого дождя. Пейзаж был бесподобным, словно принадлежал кисти художника или мечтающему о совершенстве человеку. Звия заметила, но спокойно и не ревниво за свой любимый пейзаж, почерпнутый из книг и видео картин, что ей довелось увидеть в период взросления в Интернате Великого Графиста, нравившийся ей какой-то грустной умиротворённостью, для её гостя был нечто иным: детским любопытством перед ожидаемой сказкой.

Да он играл, словно в песочнице их Интерната. Когда Лемешеву захотелось увидеть противоположный берег, то окно любезно предоставило ему необходимый ракурс как бы с расстоянии двух-трёх метров от человека. Словно дом перенёсся над озером и завис у берега. Лемешев даже подпрыгнул, чтобы ощутить какое-либо качение.

Невообразимо бесподобная готовность читать мысли человека! Лемешев тут же подумал подняться над самыми высокими деревьями на берегу. И тотчас дом взметнулся вверх, заняв заданную высоту. Открылась великолепная перспектива, которую можно было приближать или удалять. Словно это был управляемый мыслью летательный аппарат! Лемешев приблизился к горам, поднялся над ними, а затем, с высоты пяти-шести тысяч метров, перед взором Сергея предстал океан. От его вида у молодого человека свело дыхание.

– Ты можешь подумать об острове и просто ступить на него, выйдя в окно, – прокомментировала его эксперименты Звия, которая уже стояла рядом, положив свою горячую руку на его плечо. Девушка завораживала своим чистым дыханием и ароматом, мутящим сознание своей близостью. Вдруг она ощутила себя очень важным и добрым наставником рядом с несмышлёнышем. Это было ново.

Лемешев восхищённо воскликнул:

– Но это же немыслимые технологии, неужели в Советском Союзе идут такие испытания? И ты хочешь сказать, что управляешь этим проектом? Сколько тебе лет?

Звия с готовностью любящей няни улыбнулась:

– Ну вот, всё сначала. Между нами миллион лет. Мне 1237 лет. Здесь нет стран и национальностей. А Тигион – мой мир. На поверхности Земли, точнее в её пространстве, миллиарды таких же миров, они появляются и исчезают, как только его хозяин ложится спать в Саркофаг...

– Усыпальница людей? – уточнил Сергей.

– Саркофак уединения, а здесь бодрствуем и занимаемся тем, чем хотим и чему нас научили. Я археолог культуры. И сейчас ты в мире, очень далёком по времени от твоего.

– Понял, миллион лет. Если больше, то я свихнусь.

– Твоей голове не грозит такая перспектива, мы научились держать сознание в узде.

Она развернула Сергея и подтолкнула его к креслам.

– Садись. Я немного знаю об обычаях в твоём мире. Да и мы, нередко после пробуждения, если собираемся вместе на конференцию, понимаем, что надо включить инстинкты пищеварения, которые отвлекают от проблем и позволяют в дальнейшем увидеть их глубину. Чтобы успокоиться, человеку необходимо сесть и выпить... Неважно чего. Это всё рефлекторно.

Сергей сел и тотчас же на сегменте его края стола появились стаканы с тёмной жидкостью. Но гость всё-таки успел удивиться тому, каким образом бытовые вещи просто происходят от поверхности стола?

Он взял стакан в руки, рассматривая его содержимое. Звия молчала. Лемешев отпил немного жидкости, оказавшейся приятной на вкус, словно смесь холодного чая и лёгкого кофе. И тут же отметил, что все вопросы, волнующие его, как бы отступили на задний план. Он уже умиротворённо смотрел на свою собеседницу и подумал, что, вернувшись домой, продолжит эту традицию – жить обнажённым, обязательно рядом с прекрасной женщиной. Хотя, что придумывать? На Западе пытаются создавать сообщества нудистов, словно копируя некоторые племена в Африке и Австралии, которые не заботятся о нравах и одежде.

Глубокое кресло, обстановка и напиток расслабляли, уводили мысли о несущественном. Это было именно то приятное созерцание жизни с прекрасной женщиной и эрудированным человеком, которое существует во снах. Здесь не надо изворачиваться в оправдании мелких взглядов и поступков. В этом мире болото предрассудков не засасывает вечно сомневающегося интеллигента!

«Всё-таки в этом чае что-то есть от алкоголя», – подумал Лемешев, но тотчас же переключился на рассказ Звии.

– Ты находишься на Земле, – какой раз терпеливо объясняла она. – Модуль, который ты нашёл, перенёс тебя на миллион лет вперёд, к нам, ко мне, – уточнила Звия. – Ты погиб от обвала грунта в колодце и, если бы не наш аппарат, который ты захватил, тело твоё нашли бы твои современники.

Она сделала паузу, чтобы Лемешев осознал факт своей гибели и воскрешения в далёком будущем.

– Великий Графист разбудил меня, потому что дал знать о себе знать модуль, который я, спасаясь от динозавра, потеряла в последней экспедиции на несколько миллионов лет в прошлое, – продолжила Звия. – Тот аппарат был самой первой модификации, без маяка. И если бы не второй модуль, который принадлежал моему другу по экспедиции Оэрту, то вряд ли я тоже была бы здесь. Хотя, возможно, моё тело клонировали по любой клетке и тогда бы я была своей копией. А клон есть клон...

– Минутку, – неожиданно встрепнулся Лемешев, – ты хочешь сказать, что если меня восстановили, то я тоже, как ты говоришь, клон?

– Не совсем так, – Звия дотянулась до руки гостя. – Мой домашний «доктор», назовём его так для общего понимания, восстановил твоё тело по большинству живых ещё твоих клеток. Так что основа нынешнего мозга принадлежит тебе. Это значит, что полностью сохранена твоя индивидуальность.

– Слава богу, – вздохнул Лемешев, – хоть основу сохранила. А есть чужое?

– Да, ты обладаешь мыслительными и иными способностями моих современников. Поймёшь это сам.

Сергей вскочил на ноги, он, как ему показалось, не смог усидеть от подобной информации и несколько раз прошёлся по комнате, затем вернулся и отпил из стакана. Он взглянул на Звию, продолжающую общаться с ним, но не открывающую рта. И до него дошло, что последние сообщения он слышал от напрямую в мозг. И посмотрел на неё:

– Мы, оказываемся, общаемся без звуков? Вот как ты изменила мои мозги!

Звия засмеялась, что давно не делала, если не считать в долгих снах в Саркофаге.

– Да, слегка. И нечему удивляться: твой мозг восстановил давно утраченные свойства.

– А что это за напиток? Почему с каждым глотком приходит большая ясность?

– Сложный коктейль, созданный на молекулярном уровне. Рекомендуют его пить сразу же по пробуждению и выходу из Саркофага. Я подумала, что и тебе необходимо привести свои мысли в порядок. Ты же, в своём роде, тоже был в Саркофаге, именуемым смертью.

– По-моему, этот уже набивший мне оскомину Саркофаг подавляет и желания. Мы оба сидим здесь обнажённые, и ничего между нами не происходит. Расскажи я об этом кому-нибудь в редакции, смех стоял бы, как от анекдотов Аркадия Райкина.

Звия не сразу поняла его:

– Разве между мужчиной и женщиной обязательно должны быть половые контакты или иные телесные соприкосновения при каждой встрече? Мы давно отказались от размножения людей с помощью бессмысленных эмоций! Вот это для нас безнравственно!

– Ну, вы и дожили, – съязвил Сергей, – а как же любовь? Ведь именно она становится причиной того, что появляются дети! Они становятся людьми и развиваются только в любви.

Он уже не обращал внимания, что не открывает рта. И это показалось спасительным, когда тема разговора перешла в плоскость щекотливых поисков смысла жизни.

– Хорошо, мы толчёмся с тобой на небольшом пяточке понятий, условностей и откровенной глупости, – улыбка Звии всё-таки дала понять Сергею, что они подошли к створу настоящих знаний об этом мире.

С каждым её разъяснением врвался огромный поток информации, который с готовностью принимал мозг Сергея.

В нём появилась жалость к человечеству, которое спит в Саркофаге, и лишь немногие миллионы, а может и тысячи людей по велению Великого Графиста (вероятно, машины), бодрствуют, находясь в своих тигионах, выполняя необходимую для общества работу, которая, по сути дела, никому не нужна!

Он с ужасом осмыслил положение землян на планете в кризис избыточной массы человечества, лишённого простых радостей жизни! Ведь за свои 1237 лет Звия не знает ни мук, ни радостей любви, ни ликования от деторождения, а лишь тупое и аккуратное посещение специальных донорских центров, где незаметно для их организмов скрещивали мужские и женские клетки в дозированном количестве и тщательно проверенном качестве.

О родителях подросткам здесь не говорят, дети ничего не знают о своём рождении. Они лишь масса человечества, которое давно бы уничтожило Землю. Хотя, чего там уничтожать? Она пуста и заполнена иллюзорными тигионами.

– Вы живёте в большой консервной банке, придуманной для вас вашим Великим Графистом! Кто он, и что это за оболванивание этим чудо-коктейль, который контролирует ваше сознание?

И как бы желая откреститься от своего вторжения в устоявшийся мир, воскресивший его, попросил Звию разрешить ему позвонить в Москву.

– Звони, – только и сказала она, буднично кивнув на небольшой полу встроенный в стену секретер.

Её одолевала буря чувств и эмоций, недозволенных сомнений в правильности их жизни под руководством Великого Графиста, никогда не допускающем ошибок!

Она тотчас же пригубила коктейль и успокоилась, позволив себе все-то же состояние исследователя экспоната из 1982 года. Она твёрдо знала, что это её работа археолога культуры. А в такой деятельности допустимы потрясения. И она надёжно контролирует себя!

Телефонный звонок

Он проследил за движением её руки и увидел серый болгарский аппарат, наподобие того, что был у него дома. Чёрт возьми, здесь по мановению волшебной палочки появляется всё то, к чему он привык и что составляет часть его мира!

– Не вставай, – посоветовала Звия, – протяни руку.

При этом её самую ошарашила мысль, насколько примитивен образ жизни на Земле Лемешева!

Тем временем Сергей последовал совету, наклонился к секретеру и тотчас же трубка оказалась у него в правой руке. Он приложил телефон к уху. Ни гуденья, ни потрескивания, словно взял палку от городка. И удивлённо посмотрел на женщину.

– Тебе кого? – спросила она голосом заправской телефонистки.

– Когана.

– В какое время?

Сергей прикинул, что шеф, вероятно, на даче.

– Он должен быть на даче, если я нахожусь здесь около суток.

– Это не имеет значения, – сказала Звия, – соединяю.

И тут же трубка ожила, и послышался недовольный голос шефа:

– Кто это и что это за мистификация с говорящей лопатой?

– Я, Лемешев.

– Что за чёрт! Я на даче! И мне чревовещает... черенок лопаты! Ты что, в неё вмонтировал? Или это твои друзья из «конторы»?

– Какая лопата, Михаил Абрамович?

– Такая, шутник! Ладно, разберёмся. Когда приедешь? Мне хочется далеко закинуть лопату!

– Не знаю, тут такое дело... А как дела в редакции? Да, скажите, сколько на ваших часах и какой сегодня день?

– Лемешев, ты что там, запил?

– С чего бы это? Я трезв как стёклышко!

– В колодце побывал?

– Да. Так какой сегодня день?

– Воскресенье. И на моих 13.40. Когда возвращаешься?

– Сергей посмотрел на Звию.

«Скоро», – раздалось у него в голове.

– Скоро!

– Ну-ну, отключайся, мне ещё надо этой чёртовой лопатой вскопать участок под вишней.

Связь прервалась. Сергей тупо смотрел на трубку в руках. Затем – на Звию. И снова на трубку. Гробовое молчание. Безмолвнее того деревянного черенка, что был у Когана накануне переговоров.

– Может, ты ещё хочешь с кем-нибудь поговорить? – предложила Звия, явно забавляясь.

– Теперь с самим господом Богом, если он здесь где-то за углом! – тихо, но с чувством выдавил из себя Лемешев и поднял вверх руки, взывая к небесам. Но тут же потянулся за стаканом, который оказался полным, и выпил его до конца. Все его смешавшиеся чувства и мысли выстроились, как солдаты на плаце в воинской части и салютовали ему.

В это время на Земле образца 1982 года

Михаил Абрамович долго смотрел на лопату. Он стоял у крыльца дачного домика и думал о том, что может случиться с человеком, который после трудовой недели решил отдохнуть с лопатой в руках? Он должен забыть всё на свете, даже проблемы французских коммунистов, которые из своего устава беззастенчиво убрали упоминание о диктатуре пролетариата.

Лопата Михаилу Абрамовичу понадобилась действительно для того, чтобы взрыхлить землю у вишни. Он собирался слегка подрубить траву и раскопать вокруг всего на пол штыка. Он мечтал чуть позже взобраться в гамак и почитать вышедший сборник рассказов Василия Шукшина. Меньше всего его заботила командировка Лемешева. Нарвался на главного – вот сам и отдувайся!

О чём это он? Ах, да о Лемешеве, голос которого ему пригрезился. Мало того, что пригрезился, он сам, Коган, ещё и задал вопрос, когда подчинённый сотрудник приедет.

– Миша, – услышал он зов супруги из дачного домика, – иди, поешь! Всё готово.

Вот она, реальность!

Эксперимент

Дождь за окном усилился. Казалось, что конца ему не будет. И его монотонное скольжение по прозрачному куполу, комфорт внутри дома создали атмосферу доверия двух представителей Земли разных времён. Беседа Сергея и Звии становилась более спокойной, сердечной. А когда стемнело, дождь неожиданно прекратился, словно с этого момента начинался новый отсчёт в жизни двух людей. В окно запустила свои серебряные лучи полная луна. Мужчина и женщина встали и подошли к нему, любясь прекрасной ночной перспективой. Уже блестящим металлом сверкала гладь озера. Были слышны ночные звуки, как на даче, в детстве Сергея. Трещал сверчок где-то в углу комнаты, а за домом в чаще леса ухала сова. Кричал ещё какой-то зверь, вышедший на ночную охоту.

Сергей почувствовал бедро женщины. Оно было жгло. Звия встала за ним, пытаясь понять, на что обращено главное внимание гостя. Но тот резко развернулся к женщине и обнял её.

Звия не отстранилась, её тело стало наливаясь необъяснимой притягательностью, словно её подогревал изнутри особый огонь. Ей неожиданно захотелось ответить на это объятие и она поняла, что стоит на пороге какого-то необыкновенного действия, даже события, связанного не только с её телом, но и с её пониманием сути жизни.

– Хочешь, я покажу тебе ночное таинство? – шепнул Сергей на ухо женщине, которую он понимал как девушку, никогда не слышавшую о любви.

Звия удивилась сама себе, когда кивнула головой и сильнее прижалась к Сергею, который положил руки на её удивительно тонкую талию:

– Покажи.

– Прикажи дому взлететь высоко, высоко, к самым звёздам!

И дом тотчас же поднялся в небо, врезавшись в гущу звёзд, которые казались очень близко.

– А за ними знаешь что? – спросил Лемешев.

– Другая Земля. Та же суша, где стоит мой дом.

– Давай останемся на своей Земле и поймём, что она самая нужная нам, – ласково предложил гость из прошлого.

– Мой тигион читает твои желания, – указала женщина на выдвигающуюся кровать.

– Это он чувствуют мою страсть.

– Я тоже жду страсть мужчины.

Её тело не подчинялось ей и это было не просто новым ощущением, а желанием чего-то неизведанного и обязательного для любой женщины!

Мужчина прикоснулся к её губам, ощутив и возвратив сладкий привкус женского грудного молока.

Его руки нежно, но с силой древнего родового понуждения гладили спину женщины, а после ласково впились в твёрдые ягодицы первородной самки. Ладони обводили их по бёдрам и скользили по безволосым припухлостям женщины, отчего она вскрикивала, но настоящий животный крик вырвался у неё, когда гость опустил на колени.

– Ты прекрасное создание, – шептал Сергей, – ты создана для любви.

– Я хочу познать твою любовь, – слышался её ответ, – люби, люби, люби меня!

Сергей легко поднял Звию на руки и понёс к кровати, уже занимала половину помещения.

Пятница, последняя в июне 1982 года.

Председателю комитета государственной безопасности СССР Юрию Андропову оставалось пять месяцев до момента, когда партия передаст ему бразды правления одним из могущественных государств планеты.

Утро этого дня началось с просмотра письменного доклада о происшествиях в мире. О смене в правительстве США подтверждали распечатанные листы характеристик новых чиновников Америки.

Все «новички» были республиканцами, партии победителя. Рокировка в её рядах реакция делового мира на запрет поставок материалов и оборудования для газопровода Сибирь – Западная Европа, производимых по американским лицензиям. Другая новость Запада – аналитики работали над избранием Роя Дженкинса лидером социал-демократической партии Великобритании. Ещё одна расширенная справка была посвящена готовящемуся вторжению иранских войск на территорию Ирака с целью захвата Басры, хотя шансов на успех у иранцев было мало. А ведь советские эксперты предупреждали Саддама по дипломатическим каналам, но получили, как говорится, самоуверенный отказ. Ну, что ж, наше дело сказать...

– Юрий Владимирович, к вам полковник Дягинцев.

Это в селекторный динамик вещал постоянный офицер в приемной о визите Семёна Дягинцева. Тот просто так напрашиваться на встречу не будет.

Полковник резко вошёл с папкой. Протянул главе могущественной организации один лишь листок из своей папки.

– Ну и что?

– Некая уникальная вспышка в Каракумах.

– Чей спутник засёк?

– И наш, и американский, тот был в зоне...

– Что это?

– Ни старт ракеты, ни испытательный взрыв.

Андропов исподлобья посмотрел на Дягинцева.

– Короче – что это?

– Не знаем.

Такого беспомощного ответа Андропов от него не ожидал. Он встал и подошёл к полковнику почти вплотную.

– Юрий Владимирович, – тот ожидал такую реакцию, – вот мнения ядерщиков, в том числе и наших аналитиков.

Дягинцев уже протягивал листы с машинописным текстом. Андропов вернулся за стол. Он внимательно читал. Значит, фотонный поток. Осторожные комментарии авторитетов науки.

– Итак, у нас испытали новое оружие, но мы не знаем, кто?

– Я бывший ядерщик, работал с Курчатовым, – Дягинцев изысканно напомнил о своём прошлом, – поэтому предполагаю самое невероятное: в центре Каракумов проявилась внеземная технология.

– Час от часу не легче, – Андропов стукнул кулаком по столу. – Чёрт знает, что! Зелёных человечков разглядели? Он встал и прошёлся по кабинету. Остановился у карты Советского Союза.

Дягинцев оказался рядом:

– Вот здесь, Юрий Владимирович.

Он ткнул короткой указкой в серое пятно пустыни.

– Похоже на проявление технологии очень неведомого нам будущего. Докладываю то, что сообщил мне академик Дробышев. Он изучает внеземные цивилизации. Мы провели анализ спутниковых снимков через вычислительную машину Института физики Академии наук, картина оказалась похлеще. Ими доказано, что произошли две вспышки, совпавшие по времени друг с другом с разницей в миллионную долю микросекунды.

– Яснее!

Андропову надоели подступы к главному. Он не дёргал подчинённых по пустякам, но здесь нечто выходящее из ряда вон. И не дай бог, американцы уцепятся!

– Это мог быть только... результат работы машины времени.

Председатель КГБ даже не повернулся к нему. Нет, не от того, что не поверил выводу учёных, а, чтобы скрыть изумление и растерянность от подобного факта. Он мгновенно оценил преимущества овладения технологией перемещения во времени. И не мог удержаться от соблазна представить себя чуть раньше своего времени, лет так на шестьдесят, чтобы встретиться с вождём мирового пролетариата с глазу на глаз. Он бы рассказал Ленину о тех «чудачествах», которые натворил Сталин! А что было бы сказано о Брежневе?! Ещё подумал о том, что с перемещением в будущее некоторых специалистов оборонки, многие их игры с империализмом покажутся пустыми и глупыми.

– Наш человек вылетел на место, – донесли до него уверения Дягинцева во владении ситуацией, – всё произошло в районе буровой и строительства объекта треста «Туркменсельхозводопровод».

– Колодца, что ли? – уточнил Андропов.

– Да, вырыли очень глубокий колодец. Спутник точно указал на него. На дне этого колодца что-то произошло.

– Дальше!

– Ещё эту вспышку зафиксировал американский спутник.

– Это видно по вашему взгляду на карту США. Ну что ж, хорошо или плохо, что это у нас, а не америкосов. Давайте сядем и обсудим детали.

И указал на два стула, предназначенных для не очень важных посетителей, у стены.

– А что, американцы, не могли что-нибудь сбросить, скажем, по ошибке?

Андропов вернулся к тому, что всех волновало больше всего в Политбюро.

– Вряд ли Юрий Владимирович! На нашу территорию, после сбитого У-2, они заглядывают только из Космоса. А расстояние от Ирана достаточное... Одним словом, никаких диверсий. Уточнили, что в тот глубокий колодец полез корреспондент из «Комсомолки», он был с фотоаппаратом, делал снимки с фотовспышкой.

– А они, магниевые, восприняты спутниками?

– Могли. Но сила света фотовспышки и некоего результата перемещения разнится в миллионы раз.

– Корреспондент? Кто такой?

– Сын капитана первого ранга Лемешева. Покойного.

– Значит, в колодце был или есть предмет иной цивилизации?

– Я предпринял меры. Учёные подъедут, а оперативный контроль за действиями корреспондента возьмёт на себя наш работник. Я уже определил с местными кандидатуру.

– Кто?

– У нас там женщина. Лейтенант Половцева Марина, из республиканской молодёжной газеты. С идеальной легендой. Экипаж вертолёт, что её доставит, – из подразделения «Ангел».

– Не круто ли, ребята там жесткие?

– Если засекли американцы, то их резидентура требует жесткости.

– Что ж, начинайте спецоперацию. Не только же американцам находить инопланетян...

Но Андропов при этом замечании не улыбнулся. Он думал о том, стоит ли ему докладывать генсеку или немного подождать? Брежнев слишком стар, чтобы понять, с чем может столкнуться мир. Машина времени. Какая чушь! Но, посмотрим...

Через десять минут в Ашхабаде, в одном из кабинетов республиканского Комитета государственной безопасности, уже шёл инструктаж о проведении операции в Каракумах. В личном же аэропорту в дальнем секторе спецперевозок готовился вертолёт.

Марина

Быть молодой женщиной, редактором отдела республиканской молодежи и служащей одной из сильнейших в мире структуры государственной безопасности – не это ли наилучшее сочетание в СССР? Так утверждал полковник Муравьев, когда вёл несколько лет назад занятия с новым набором секретных агентов.

Марина, ещё, по сути, девчонка, воспитанная родителями в строгости и понимании любви, как высшего дара людям, стеснялась некоторых занятий в буквально тесном контакте с мужчинами. Это касалось борьбы, физической подготовки, уединённого изучения технических средств. Её неопытностью и наивностью воспользовался один из инструкторов. В результате – аборт, который поставил крест на планах о детях. После небольшого амбулаторного лечения её оставили, благодаря заступничеству одному из друзей отца.

Марина за эти годы окончила университет и полностью погрузилась в работу журналиста. Её не трогали, и лишь несколько раз в году она писала докладные записки в КГБ о положении в средствах массовой информации, в коллективе и там, где бывала, не особенно споря с совестью, потому что писала об уродах – взяточниках, тихих извращенцах, гадких людях, которых немало имеется при любом строе. В отделе иногда посмеивались, читая её гневные и эмоциональные обличения, причём нередко – на таких же секретных агентов, как она.

Этот день начался с её вздоха, когда она села за свой письменный стол в редакции молодежной газеты, разбирая пачку писем.

– Опять прислали любовное письмо!

Марина Половцева, как редактор отдела писем «Комсомольца Туркменистана», отбросила в сторону одно из очередных посланий, в котором ей признавался в любви парень из Чарджоу. Он писал, что видел Марину весной, когда она приезжала на завод в командировку.

«Мариночка, – писал он, – после того, как я Вас увидел, не могу сомкнуть глаз! Вы такая красивая, такая чистая! Я решился написать и узнать, замужем вы или нет?». И так далее, три листа пылких попыток привлечь к себе внимание. Что толку от её красоты, вздыхала про себя молодая женщина, и спрятала письмо в дальний ящик. От её красоты одна морока, то шеф пытается затащить её в постель, как будто жены ему не хватает, то в ЦК вызовут, и облапают сальными разговорами и предложениями выехать на выходные в зону отдыха, в Фирюзу.

Раздался глуховатой трелью телефон на её столе. Марина подняла трубку.

– Марина Александровна, вы не сильно заняты?

– Да. Я только что пришла на работу.

Она уже поняла, что звонят не спроста.

– Не могли бы вы помочь нам написать статью в следующий номер? Это важно. Детали обговорим.

Марина узнала голос Муравьёва. И это был приказ срочно прибыть на улицу Молланепеса.

– А как редактор?

– Он поддерживает вашу инициативу. Ему звонили.

Вот так, именно «вашу инициативу»! Работают в КГБ быстро и чётко. Редактор газеты может, и не знал, куда вызывают его сотрудницу, но он чутьём потомка коневодов из Ахал-Тека чувствовал, стоящую за ней силу. Однажды в своём кабинете, он, Мурад, не выдержал и повалил на стол заседаний редколлегии Марину. Осталось чуть толкнуть и забросить себе на плечи её ноги. Так он представлял себе долгожданное овладение русской девушкой. Но она применила какой-то странный приём, в результате шеф оказался на полу, и она, держа его руку в захвате, прошипела: «Будешь инвалидом, Мурадушка, если ещё раз дотронешься до меня!»

Марина, как коренная жительница Ашхабада, прекрасно знала не только город, но и быт и поведение его жителей. Тогда она лишь усмехнулась, и этого было достаточно, чтобы дать понять руководящему ухажёру тщетность усилий. Русские девушки не сдаются! Вот тогда-то он и смекнул, что за птичка, эта Половцева.

Итак, её срочно вызывают. Она быстро собралась и вышла на улицу из здания редакции, с виду напоминавшим барак. И это почти в центре столицы! Можно было дойти до явочной

квартиры пешком. Но срочность вызова заставила её поднять руку. Такси проскочило мимо, но остановился Москвич. Водитель, пожилой туркмен, спросил:

– Куда?

– В театр.

Академический оперы и балета был в двухстах шагах от домика за высоким дощатым забором, куда ей надо было прийти. Водитель был очень интеллигентным и вежливым человеком, и предложение оплатить поездку воспринял с лёгким юмором.

– Я признаю только одну валюту, – сказал он.

– Какую?

– Улыбку такой красавицы, как вы.

Марина щедро улыбнулась на прощание. Вскоре она достала свой ключ, открыла калитку глухого забора. Лениво залаял соседский алабай Маймун. И тотчас же замолк, каким-то образом узнав женщину. По дорожке, устланной жжёными красными кирпичами, чуть присыпанными песком, надо пройти четыре метра. На веранде уже кто-то сидел.

США. Лэнгли. Метаморфозы жизни

Уильям Джозеф Кейси родился 13 марта 1913 года в Нью-Йорке. Он окончил Фордхэмский университет, получив степень бакалавра точных наук. Затем – юридическую школу Университета Св. Иоанна, получив степень бакалавра юридических наук. Работал адвокатом, занимался бизнесом.

В 1968 г. участвовал в избирательной кампании будущего президента Никсона.

Через три года возглавил Биржевую комиссию (Securities and Exchange Commission). Прежде чем стать президентом и председателем Экспортно-импортного банка, год поработал заместителем госсекретаря США по экономическим делам. Пытливость, связанная с поиском высоких учётных ставок, обнаружила в нем некие исследовательские качества и перед тем, как возглавить предвыборный штаб кандидата в президенты Рональда Рейгана, он успел поработать в президентском консультативном совете по внешней разведке в качестве рядового, как он любил подчёркивать, его члена. Широта взглядов, напористость, умение не обращать внимание на такие вещи, как «совесть», «порядочность», послужило ему неплохим трамплином в служебной карьере, хотя, как покажут дальнейшие события, он не сможет правильно дать оценку событиям в Иране.

Но 20 января 1981 г., вступив в должность Президента США, Рейган в тот же день назначил Кейси директором ЦРУ. 27 января кандидатура Кейси была утверждена Сенатом, а 28 января он вступил в должность.

Анализ

Доктор Браун стоял у окна своего персонального кабинета. Ему повезло, его блок, огороженный стеклопластиком и внутренними окнами с жалюзи, выходил на улицу. Сегодня первое его утро в качестве заместителя руководителя отдела научного анализа ЦРУ. Он несколько раз говорил не только себе, но Кейси, что будет чувствовать в Лэнгли, как в своей тарелке. Аккуратность ведения дел, как в качестве советника госсекретаря, так и на новом месте, позволила ему построить неплохой домик в окрестностях Вашингтона. Сара была очень довольна перспективами его работы, и её не волновали долгие отлучки мужа, связанные как со старой, так и с новой работой. Ведь он был профессором... биосферы, ну, что-то связано с пустынями.

Это всё соответствовало легенде. Доктор Браун вёл и до этого очень активную преподавательскую и научную деятельность: читал лекции, выступал на симпозиумах и конференциях по проблемам биосферы. О том, что он раньше, ещё студентом Йельского университета был осведомителем ФБР, а затем выполнял некоторые заказы ЦРУ, знали лишь единицы.

Два часа назад на встрече у директора ЦРУ его представили начальникам отделов и служб, и тотчас же завязалась серьёзная дискуссия по характеру вспышек в Каракумах.

– Наш спутник засёк очень странный выброс энергии, – докладывал инженер космического наблюдения Энтони Блэк. Это был молодой человек, в больших роговых очках, в рубашке стального цвета с короткими рукавами, но жёлтым галстуком. Что и раздражало многих сидящих, не менее, чем то, о чём говорил инженер. А говорил он невероятные вещи, пугающие не воображением, а перспективой оказаться в техническом отношении далеко позади русских. Тот же Энтони Блэк хорошо помнит свой поход десятилетним мальчиком в кинотеатр маленького городка, когда новый фантастический фильм был прерван, и на сцену перед экраном вышел директор кинотеатра и сообщил с совершенно потерянным видом, что русские запустили в космос искусственный спутник Земли...

– Мы пропустили сигналы спутника через аналитическую программу компьютера. Оказалось, что мощная вспышка была засечена не на поверхности, что отменяет вариант отражения активности Солнца, а из глубины земли, порядка 200-250 ярдов. По времени пеленгации выходит. Таким образом выброс из некоей шахты. Если говорить о природе излучения, то такого мощного потока нейтронов...

Кейси оценивающе обвёл взглядом сидящих. Упоминание о шахте – это вариант взрыва ракеты под землёй. Если бы был пуск, то ракету могли засечь на высоте тысячи метров, но пуска не было. Только вчера Рональд как актёр предложил страшилку под голливудским названием «Звёздные войны». А уже сегодня русские показали, что имеют нечто, что могут черт те знает куда, и прийти к полному господству. И тогда от советов можно ожидать что угодно в их стремлении совершить, точнее, довести мировую революцию до логического конца! Он снова и снова разглядывал исподлбья собравшихся. Каждый из них по оперативному могуществу мог считаться министром обороны средней страны. Но им, как серьёзным финансистам в банке, нужны были неопровержимые факты.

– Опустите ссылки на научные доказательства, они изложены в обзоре доктора Брауна, – предложил он инженеру.

Это был один из немногих случаев, когда на совет директоров был приглашён вместе с начальником отдела простой инженер.

Энтони Блэк, используя шанс ещё немного побыть на виду, приберёт одну сенсационную деталь, которую вряд ли заметил этот выскочка Браун, и которая должна ошеломить любого трезвомыслящего человека.

– О том, что это совершенно необыкновенный технологический прорыв русских, – сбавил тон и почти задушевно произнёс молодой инженер, – говорит то, что спутник засёк одновременно две вспышки. Когда мы стали раскручивать запись по времени, то вышло, что между выбросами, а их было два, прошла тысячная микросекунды реального времени. Полной совместимости по времени не было.

Теперь Энтони обвёл взглядом сверхчеловека. Но, похоже, они ещё не осознали, а может, и никогда не поймут факта, о котором писал Герберт Уэллс в своих фантастических романах.

– Но в это мгновение могли войти часы, дни, а, может, годы и века. При спектральном анализе вводные вспышки в пустыне «разбежались» в эффекте Доплера на неопределённое время. Наши аналитики подставили экспериментальные значения зависимости массы частиц и скорости... Объяснение фантастическое: эта вспышка – результат работы... машины времени!

Воцарилась тишина, не сразу, но последовали смешки, закончившиеся взрывом смеха. Но он быстро погас, оставив в сознании каждого присутствующего воронку. Мощную воронку!

Долго после совещания Кейси не знал, как подать это сообщение президенту. Рейган – актёр с огромным опытом морочить мозги зрителям, но машина времени в его правление – это слишком! То, что русским не надо ломать голову над ответным космическим оружием, если они смогут притащить образцы новейших вооружений из будущего, и, вполне возможно, изобретения самих же американцев – да, такая перспектива достойна смеха, но только очень и очень горького!

В Лэнгли долго не смеялись. Доктору Брауну было приказано срочно лететь в Туркменистан, сначала в Ашхабад, а затем в заповедник Репетек, от которого недалеко находилась точка взрыва. А служба агентурного влияния в тот же день вышла на своего глубоко законспирированного агента. В Туркмении была ночь.

Через 19 часов после вспышки

Первого августа утро в Каракумах было таким же жарким, как все 90 дней, прошедших с апреля. Хотя, иногда появлялись перемены. Аральское море катастрофически мелело, оно уже не могло останавливать своим дыханием потоки воздуха и становилось всё более «дырявым» для атмосферных масс из средних широт. Над Каракумами стали появляться в июне и даже июле (!) облака, а местами выпадал тёплый дождь, который, впрочем, испарялся ещё на подъёме к земле. В Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Чарджоу могли даже в самые жаркие месяцы года стали не редкостью быстротечные грозы. Туркмены, узбеки, да и русские старожилы удивлялись таким явлениям, и считали, что всему виной является непомерно масштабное выращива-

ние хлопка, который требовал всё больше и больше воды от Амударьи и Сырдарьи, впадавших в Аральское море.

Аликпер Гусейнов, буровой мастер, пил уже пятую с утра пиалу чая. Настолько крепкого, что сердце другого человека не выдержало бы. Но Аликпер прошёл закалку в зоне. В молодости он напал с ножом на человека, слишком сладострастно посмотревшего на его девушку. Срок был не очень большим, потому что человек этот выжил.

Но сегодня его сердце было взволновано когда по радиации дежурный из треста «Небитдагнефть» передал ему содержание телеграммы на имя Гусейнова.

– Алик, тут тебе телеграмма из дома с пометкой «срочно». – В голосе дежурного, а это был Данилыч, которому перевалило за пятьдесят, не скрывалось раздражение. Текст был дурацким, и не стоило бы ни его, ни человека на буровой тревожить такими пустяками! Но пришлось читать в микрофон. – Слушай, когда твоё имя будут правильно писать? – дал волю раздражению Данилыч. – Надо «п», а тебя через «б» называют!

– Сам ты через «б»! – не выдержал мастер. – Читай дальше! Путаница с глухими и звонкими буквами в его имени была не случайна, это давал о себе знать резидент в Баку. Речь идёт о задании.

– Сегодня гость проездом Москвы вагон восьмой тчк подарком лично тебе дню рождения тчк ждет денек-два тчк дети просят в зоопарк тчк Мамед просит велосипед тчк Лейла куклу тчк ждем тчк Латифа тчк. Всё я прочитал! Вопросы есть?

– Кто подписал?

– Я же читал, Латифа. Нет, подожди, напечатано Латипа. Вот безграмотные! Девчонки совсем там сидят на телеграфе, вот и не знают, как писать.

– Хорошо, всё, спасибо, досматривай свои сны, отец!

Аликпер отпустил кнопку связи. Он уже знал, что ошибка в подписи – это подтверждение того, что это текст резидента. Пометка телеграммы «срочная» – дело не просто неотлагательное, а немедленное. «Сегодня гость проездом Москвы вагон восьмой» – это означало, что появившийся вчера рядом с буровых человек прибыл действительно из столицы и имеет у себя некий аппарат, который далее назван «подарком». «Лично тебе ко дню рождения» – необходимо забрать этот аппарат. «Ждёт денёк-два» – За это выдадут двести тысяч долларов. «Дети просят в зоопарк» – привести прибор в Репетекский заповедник. «Мамед просит велосипед» – добираться до Репетека на личной машине Аликпера. «Кукла» – после передачи немедленно ехать в Красноводск и поставить машину на паром, идущий в Баку. «Ждем» – ночью не спать, а ждать катера, который подберёт Аликпера, прыгнувшего в море с парома. «Латипа» – в Иране встретят.

Аликпер насчитал семь «тчк» – это означало, если всё изменится, и он не успеет передать прибор в Репетеке, то ему необходимо с ним лететь в Баку и принести его на явочную квартиру лично.

После такой телеграммы, а, главное, суммы, и без чая можно взбодриться! Но привычка есть привычка! Долго ждал такого предложения мастер, он же инженер, окончивший до зоны Бакинский институт, там же завербованный «туристом» из Германии. Итак, вчера прилетал вертолёт. Сам же Аликпер ходил за почтой и видел он какого-то русского, которого сопровождали и встречали, как дорогого гостя. Значит, это и есть москвич. Вот с кем надо будет иметь дело. Гусейнов тотчас же дал телеграмму в главк с просьбой предоставить ему отпуск на несколько дней за свой счёт.

Глава третья

Тигион Звии

Красивая хозяйка, принявшая корреспондента, была увлечена молодым гостем. Оказалось, что древний инстинкт женщины не исчез. Её естественные желания восстанавливались, а всё, что он делал, было невероятным по силе ощущений. Вдруг поняла, как были обесценены женщины её времени.

Сначала диким показался ей обряд поцелуя в губы. В тигионах были бактерии, благодаря которым флора и фауна этого мира поддерживалась в определённом равновесии программой Великого Графиста. Но целоваться? Такого никому из землян не могло прийти в голову. А если бы и пришло, то было бы подвергнуто остракизму, а Великий Графист мог надолго оставить такого человека в Саркофаге, если даже не забыл о нём навсегда.

Но то, что делал Сергей с её телом, и то, что заставляло саму Звию совершать в ответ – должно быть немедленно наказано. Любви в её мире не было, лишь Великий Графист мог соединять опосредовано мужчин и женщин в специальных лабораториях, без прямого контакта, а дальше – процесс искусственного зачатия. Но сейчас её связь с мужчиной даже поощрялась. Эта мысль, когда в окно пробился первый луч солнца и таинство ночи при свете дня, ужаснули Звию. Она неожиданно прекратила гладить лицо спящего Сергея и обратилась к Великому Графисту за разрешением ситуации. Мысленный посыл Ему.

– Находка модуля, потерянного тобой в далёкие от нас времена, – ворвался в неё голос машины, правящей миром, и он показался ей усталым, – стала шансом исправить ход развития Земли. Мы зашли в тупик. Я признаю нашу наивность! Нам надо было активно осваивать космическое пространство, новые планеты чтобы огромная масса человеческих тел не довела разрушение Земли. Возникла необходимость менять путь нашего развития. И самой эффективной точкой, по моим расчётам, должно стать возвращение развития во времена твоего гостя. С его прибытием я стал понимать, что тебе, Звия, надо стать его непосредственным участником. Суть опыта в том, что ты первая в наше время забеременеешь от мужчины прошлого. Он подходит по здоровью. Затем плод от него будет передан женщине, современнице твоего гостя. Рождённый ребёнок по внесённой нами в генетический код изменит ход развития человечества. Я появлюсь раньше на пятьсот тысяч лет. И тогда мой строгий контроль сведётся к рождаемости, к отбору людей. И рассылке их на планеты различных звёздных систем. У них там будут и свои, и общие тигионы. Возможно ты исчезнешь с рождением ребёнка, как и все мы. Ты готова к такой жертве во имя счастья человечества?

Великий Графист умолк.

Звия впервые в жизни была потрясена – она уже носит одного с Сергеем ребёнка и с разрешения самого Великого Графиста! И это часть жертвы её и триллионов спящих людей! Правы ли они с Великим Графистом на такую корректировку истории?

И словно в ответ на свои мысли она услышала такое, отчего её сердце впервые наполнилось состраданием.

– Я люблю тебя, Звия, – сказал Великий Графист, – я всех люблю в этом мире. И мне горько сознавать, что я оказался несовершенным. Но ошибки надо исправлять!

– Значит, ты жертвуешь собой и всем человечеством? – спросила Звия.

– Увы, всеми вы, мои дети. спать и не знать о своей гибели! Ты должна уйти на время вместе со своим гостем в его мир. А возвращаться будет некуда. Я не знаю, куда вернёт тебя модуль. Не знаю. Позволь мне мысленно обнять тебя на прощание.

Звия неожиданно ощутила его объятия. И это были руки человека, у которого было дыхание, и даже слезы. И тогда Звия поняла, что Великий Графист никогда не был и не есть машина. Он был самым умным и могущественным из всех живущих на Земле во все её времена человеком!

Связь с Великим Графистом исчезла, а рядом сидел гость, ставший родным.

Звия с нежностью посмотрела на Сергея, принёсшего удивительные чувства и ощущения.

Сергей проснулся и взял её руку в свою:

– Я слышал, я был свидетелем твоего объяснения и прощания с Великим Графистом. Не думал, что стану виновным в вашей драматической судьбе.

– Поцелуй меня и забудь. Во мне сейчас миллионы женщин нашей планеты, истерзанных бесчувствием. Я бы очень желала им каждое утро видеть на своем столике перед кроватью простые полевые цветы от тебя. Вдыхать их запах, но думать только о своём избраннике.

– Ты очень добра и честна и передо мной и перед всем миром, – шепнул Сергей, притянув к себе женщину.

А Звия продолжал тоном и голосом человека, принявшего важное решение:

– Я уже, как говорили в давние времена, «понесла» от тебя. Но во имя всех живущих сейчас и в будущем людей твоя задача забыть обо мне, принять и полюбить другую женщину. И ты должен уже любить её сейчас!

Они соединились в сладком и вечном прощальном, как им казалось, поцелуе.

30 секунд после вспышки. Земля

Сергей лежал на дне колодца и слышал, как его кто-то звал. Он открыл глаза.

– Сэргэй, – неслоьсь сверху, – ты жив?

Жив? Что за глупый вопрос! Сергей вскочил на ноги. Дно под ним закачалось. Лампочка не работала. Но он прекрасно видел в темноте. В крошечной тьме он видит и стену колодца, и самого себя!

Да, он спал, но его будоражила память о сне. Ему приснилась необыкновенная планета и изумительная женщина. Ей было очень много лет... Её звали... Звия! И ей принадлежал мир со странным названием. Тигион! И они много говорили.

И Звия рассказывала о том, что с ним случилось в этом колодце, и как его перенёс в далёкое будущее модуль в виде шара.

Сергей посмотрел под ноги. Там лежал шар.

Сергей поднял его. Шар был холодным, металл, однако ничего не весил. Странно. Сейчас Сергей был готов взлететь, и чувствовал, что для него это не составит труда, стоит ему только оттолкнуться и он окажется наверху.

– Сэргей!

Это был голос Мерета-аги. И слышал его Сергей так, будто они стоят рядом.

– Да, я! – крикнул он вверх. И был уверен, что бригадир его хорошо слышит.

– Поднимаю «парашют»! Дерни веревку!

– Я готов.

Трос дрогнул. Сергей на ходу овладел «парашютом». Подъём был медленный и времени обдумать, что же произошло с ним, было достаточно.

И память словно прорвало. Он даже ощутил ту мгновенную боль, когда услышал хруст в позвоночнике. Прикрыл глаза от яркой вспышки шара. И снова радостно забило сердце, когда он мысленно полетел над планетой. Затем были лаборатория, озеро, водопад... Он помнил, как звонил шефу на дачу.

Итак, он помнил всё! Вдруг пришло понимание того, что делать дальше. Если он хочет снова увидеть Звию, ему необходимо никому не говорить о модуле.

Он положил шар в рюкзак. Он знал, что через несколько минут бригадир назовёт его «шайтаном», долго будет тискать его и осматривать, удовлетворённо заметит, что нет ни царапин, ни ушибов. «Вах-вах» скажет, спустившись сам через полчаса вниз и увидев полтонны песка, на котором остались следы человека. Его опыт, его чутьё будут утверждать, что на дне

этого колодца, который назовут «Лемешкой», произошло нечто, но что знает только москвич и Аллах.

Действительно, Сергея встречали как героя Космоса. Это и предсказывал его шеф Коганов. Ему пожимали руки, обнимали, называли настоящим пустыннымником.

– Что у тебя там вспыхнуло? – спросил бригадир.

– Снимки делал.

– Шайтан! Ай, шайтан!– В голосе Мереди-аги звучала радость, что всё обошлось,

– вот шайтан! Родился в белой рубашке! Я тоже – только в белом халате!

Через 13 часов 20 минут после вспышки

Сергей спал на крыше домика. Мереди-ага, опасаясь за жизнь гостей, настоял на том, чтобы для него и инструктора была постелена кошма. Крыша предохраняла, конечно, условно, от ползучих гадюк, а валяная шерсть – от скорпионов. Если бы знал бригадир, что вышедшему из колодца москвичу не страшно ни одно существо на свете, то не волновался бы так за него.

Какагельды Байрамов чмокал губами и слегка постанывал. Вероятно, ему снился эпизод с хорошенькой секретарём комсомольской организации швейной фабрики Валечкой Сыровой. Лишь несколько дней Какагельды был на фабрике, но безумно влюбился в эту русскую чертовку. Ему казалось, что она не прочь развлечься с самим инструктором ЦК. И вот это исполнилось, но только пока во сне.

Если бы он знал, что сейчас произойдёт, и какую красавицу он увидит!

Рюкзак, лежащий со стороны Лемешева, не был завязан. Из него выкатился шар, ярко засветился, увеличился в размере и из него прямо на крышу вышла Звия. Вытянула из шара нечто, похожее на чемодан. Уложив модуль в рюкзак, выбрала из чемодана костюм спортивного покроя, быстро в него облачилась, и, спрыгнув с крыши, стремительно побежала с чемоданом в сторону шоссе.

Какагельды сидел на кошме с выпученными от удивления глазами. Красавица обернулась и послала ему странный привет взмахом руки, отчего инструктор смежил глаза и тотчас же глубоко уснул, забыв о сказочной пери.

Звия на Земле

Звия вышла на трассу Мары – Ашхабад и остановила «Волгу», идущую в столицу Туркмении. Председатель колхоза «Красный Октябрь» Сапар Агаджанов с удовольствием остановился, не думая, как женщина, подобная ангелу, могла оказаться здесь, на трассе, в час ночи.

Он усадил её рядом, и только тогда задал явно запоздалый вопрос:

– Что с вами произошло, девушка?

– Так уж случилось, – ответила она, повернув к нему лицо. Её огромные изумрудные глаза могли свести с ума любого человека.

– Но как можно такую красавицу бросить в песках?

– Я не брошенная, я Зоя, – ответила женщина из будущего, – я командированная. Успокойтесь. – Она слегка дотронулась до руки председателя колхоза, – всё будет хорошо, и со мной, и с вами. Расскажите, кем вы здесь живёте?

Сапар Агаджанов, подумал, что именно так надо, так иногда поступают русские. Может, это комиссия из Москвы.

Немногословный, он неожиданно для себя стал рассказывать о своей нелёгкой доле председателя крупного животноводческого хозяйства, когда надо крутиться и между районным, и областным начальством. Постепенно он рассказал о себе, своей семье, о жизни туркменского села. Он всё время шмыгал носом, и это особенно обострилась, когда они проехали небольшую рощицу пустынных акаций. В оправдание бросил:

– Вот так всегда. Как жаркое лето – у меня насморк. Не пойму, отчего.

– Это аллергия. Это вас вылечит, – сказала Звия.

Она дала понюхать Сапару небольшую блестящую коробочку. И через мгновение спросила:

– Как теперь?

– Что как?

– Насморк прошёл?

– Насморк? Ах, да, куда всё делось? Никакого насморка! Как это вам удалось, уважаемая? Вы доктор?

– Да, – улыбнулась Звия, с нежностью подумав о Лемешеве, – в последнее время мне приходится возвращать к жизни и лечить.

Председатель колхоза ничего не ответил. Ему стало очень хорошо, и его посетили мысли, надо построить ферму. Уже въезжали в Ашхабад.

Утро обещало жаркий день – ни на горизонте, ни на всем небосклоне не было ни тучки. Водитель и Звия расстались у гостиницы самыми лучшими друзьями. Неожиданная попутчица оставила Сапару все тот же небольшой приборчик и заверила в том, что ни у кого в колхозе «Красный Октябрь» не будет насморка в середине лета. Надо только приложить прибор к носу.

Через 19 часов 20 минут после вспышки

Проснулся Лемешев рано. Он чувствовал себя великолепно. Встал. Высота до земли – метра два. Внизу мягкий и ещё прохладный песок.

Хотелось взлететь птицей, высоко, высоко! Не раздумывая, он взмахнул руками и прыгнул, готовясь подпружинить ноги при приземлении. Но случилось нечто странное. Он летел к земле по очень странной траектории, которая напоминала растянутую горизонтальную линию латинской буквы «L». Вместо того, чтобы тотчас же упасть у стены кибитки, он оказался в пятнадцати метрах от неё, дотянув до взрослого саксаула с раскоряченными ветвями.

– Вот это прыжок!

Сергей увидел идущего на него человека, поднявшего в приветствии руку. Им оказался буровик Аликпер Гусейнов, который вчера был в гостях у строителей колодца, и поднимал замысловатые восточные тосты.

– Приветствую гостя из Москвы!

Аликпер протянул руку.

– Я ещё не умывался, – Лемешев как-то неопределённо махнул рукой.

– Да ладно, – ответил мастер, – мы сами здесь ничего не моем, бережём воду в пустыне! Как спалось?

– Нормально. А у вас, что, с утра вахта?

– Вахта, вахта! Пойдём, дорогой ко мне! У меня есть хороший коньячок. Вчера вы погуляли, а я дежурил. Хочется слегка расслабиться. Ты вчера в колодце фотографировал. А у меня есть фотолаборатория. Увлекаюсь, понимаешь... Хочешь, плёнку проявим? Идёт!

– А как её промыть? Воду в пустыне берегут!

– На это у меня целая цистерна в песке зарыта с технической водой! Что нам литр-два? Через три дня привезут ещё.

«Ну что ж, проявить плёнку – неплохая идея, подумал Сергей. Ему самому не терпелось посмотреть, что получилось?

– Уговорил, Алик. Сейчас на крышу поднимусь, возьму рюкзак, там фотоаппарат.

... Вагончик мастера был разделён на три части: нечто, похожее на прихожую, затем небольшая конторка с канцелярским столом из ДВП и двумя скамьями в виде досок. За слегка

приоткрытым занавесом в глубине вагона виднелись кровать и тумбочка хозяина. Заметив взгляд гостя, Аликпер показал рукой на свой закуток:

– Там у меня ящик с рукавами, для работы с плёнкой. Давай фотоаппарат, вставим плёнку, зальём проявитель.

Сергей раскрывал рюкзак и тотчас же наткнулся на шар. Его заметил и буровик.

– Э, что за камень? Или это мяч?

– Это модуль, – начал было Сергей, но осёкся. – Вчера в колодце нашёл.

– Дай взгляну, я ведь геологический факультет заканчивал.

Сергей нехотя протянул шар мастеру.

– Он почти ничего не весит! Это не камень, это высохшее яйцо, только форма у него идеального шара.

«Прибор! Это и есть тот «велосипед» из телеграммы! Как мне сразу повезло!» – подумал Аликпер. «Но как там быстро узнали? Вот у них разведка! А, может, шар радиоактивный, и его сами американцы оставили? Не зря двести тысяч долларов платят за его возвращение! Надо бы вдвое больше! Хоть поживу как король! Но поживу ли после радиации?»

– Держи, – резко отдал Аликпер шар Сергею и получил взамен фотоаппарат «Зенит».

Мастер ушёл в свой закуток. Там он достал из холодильника початую бутылку коньяка, вытащил из аптечки таблетку теразина и бросил её в коньяк. Не смертельную дозу, а так, вырубить часа на два-три. Затем Аликпер в специальном мешке вставил плёнку в бачок. Налил проявитель, стоявший тоже в холодильнике, и посмотрел на часы. Через три минуты можно промывать и фиксировать плёнку.

Они выпили по полстакана, Сергей закусил долькой разломанной холодной плитки шоколада. Мастер не успел выпить, посмотрев на часы:

– Нельзя перебора. Чёрное всё будет!

Сергей нередко пил коньяк. В этом стакане ему показалось некое искажение вкуса. Знание того, что ему подмешали снотворное, пришло тотчас же, как и то, что ему не грозит опасность потерять над собой контроль. Он закрыл глаза, и перед ним предстала тихая суeta бригадира за ширмой, когда он разливал коньяк по стаканам. Таблетки с теразином. Сосредоточенное лицо, с еле уловимой ухмылкой.

Ну, поспим! Посмотрим, что выйдет!

Бегство Аликпера

Принципы жизни Сергея были просты и незатейливы. Считал, что встречи с любыми людьми обогащают. Мотивы поступков, поведение, мысли, высказываемые откровенно или служащие щитом скрытности характера, вот что интересно!

Лемешев дружил с интуицией и прозорливостью. О том, что буровой мастер неспроста пришёл утром, Сергей понял сразу, на крыше. Но последовавшее за этим знание о замыслах Аликпера поразило его своей неожиданной новой для него способностью. Действительно, мозг работал чётко и ясно. А шар, на котором лежала рука Лемешева, как бы успокаивал: «Пока я с тобой, тебе нечего опасаться!»

Аликпер, залив в бачок крепеитель, отодвинул занавес. Москвич сидел на длинной скамье вдоль стола, его руки лежали перед рюкзаком, ладонь правой руки лежала на шаре. Сам Сергей спал.

«Готов, – подумал Аликпер, – надо бы его перетащить на кровать. Плёнку можно уже сушить, хватит и пяти минут. Вертолёт прибудет через двадцать минут. Все идёт, как надо. Пока хватятся москвича, я буду далеко».

– Эй, друг, – толкнул он Сергея, – тебе плохо? Давай, я положу тебя на койку. Поспи немного.

Москвич промычал что-то неопределённое. Мастер просунул две руки под мышки гостю. Вскоре он заботливо укладывал Лемешева поверх одеяла на свою кровать.

Репетек, Туркмения. Биосферный заповедник

Директор биосферного заповедника Веисов сидел в своём кабинете, окна которого выходили на шоссе, соединяющее Чарджоу с Ашхабадом. Он смотрел на проходившие мимо машины. Завидовал пассажирам автобусов. И не важно было, в какую сторону машины шли. Ехать, только ехать – вот чего хотелось Сувхану.

Кондиционер еле выжимал из себя прохладу, хотя было около десяти часов утра. На солнце 32 градуса по Цельсию. Многие сотрудники уже поработали, а теперь сидели под тенью гостиницы заповедника, перед самой развесистой акацией в Центральных Каракумах. Лишь Вера Колобова всё оставалась в зарослях чёрного саксаула наблюдать за ящерицами. Она готовила кандидатскую диссертацию о мелких животных Каракумов. Ей 40 лет. Хотела стать кандидатом биологических наук, даже если получит степень вместе с пенсией!

Неожиданный звонок заставил вздрогнуть директора заповедника.

«О, Аллах, – подумал он, глядя с недоумением на телефонный аппарат из чёрного эбонита – тот тоже был старым, его установили сразу же после войны, – кому сейчас хочется говорить? Мне? Нисколько!»

– Салам алейкум!

Сувхан Вейсов узнал голос замминистра. Он даже вскочил от неожиданности, вытирая потной рукой лоб.

– Здравствуйте, здравствуйте, уважаемый Сергей Павлович!

Так уж получилось, что замминистра, русский, обратился к директору по-туркменски, а подчинённый ответил по-русски. И всё встало на свои места. Это была привычная практика в те времена.

– К нам, точнее, к вам, едет американский учёный. Это доктор Браун.

– Вах, вах! Это тот Браун, что написал монографию о пустыне Мохаве? Я читал... Интересный взгляд! Но почему он заранее не дал понять, что собирается прибыть к нам?

– Да, это несколько неожиданно и для нас, потому что такие вещи обговариваются как минимум за полгода. Но выяснилось, что везде ему дали «зелёную улицу». Завтра он прилетает в Ашхабад, возможно, к вечеру. Вы встретите его, договорились?

– Встретим, всё расскажем и покажем.

– Вот и чудесно. Сагбол, яшули!

– До свидания, Сергей Павлович!

Буровая. Вагончик Аликпера Гусейнова

Аликпер, убедившись, что москвич спит, быстро выхватил шар из рюкзака и выскочил из вагончика. Рядом стояла его личная «Победа», заправленная бензином и водой. Ключ зажигания был тут же вставлен.

Он завёл машину и, прижимаясь к кустам с редкой травой, направился в сторону трассы Ашхабад – Чарджоу. До неё было 89 километров, часа два езды по пустыне.

При первых же звуках заработавшего двигателя Сергей поднялся и увидел уходящую от посёлка буровиков «Волгу».

«Далеко не уедет», – усмехнулся он и присел на ступеньки перед дверью в вагончик, решив как следует всё обдумать.

О том, что колодец стал дверью в другой мир, репортаж не напишешь. Это первое. Но об этом стало известно неким людям, которые уже охотятся за модулем. На кого Аликпер работает? Если его цель шар, значит, о модуле узнали за бугром? Израиль? Возможно. Но у него нет спутника, который бы засек работу модуля. Выходит, это деятельность США.

Почему тогда медлит КГБ? Наши не церемонились бы с ним! Психотропные таблетки, яркий свет. О чём можно сказать в «конторе глубокого бурения»? О том, что «воскрес» и затем провёл ночь с девушкой, которой исполнилось 1237 лет?

А дальше? Учёные примутся за модуль: обливать кислотой, ставить под пресс, пронзать рентгеновскими, да и любыми другими лучами.

Нет, этот дурдом не нужен!

Что остаётся? Наложить на себя руки? Кажется, это невозможно, потому что Звия изменила структуру клеток его организма. Уйти в мир Звии? Но тот исчезнет... Он же должен найти женщину, которая выносит общего со Звией ребёнка! Где и кто эта женщина? Как просить её стать матерью? Как исчезнуть с ней и ребёнком, затеряться в этом мире? В СССР это невозможно, если только не пойти к тетке Агафьевой «на постой», в сибирскую глухомань. Это, разумеется, не тигион, в котором только подумай о бутерброде, и он у тебя во рту! Податься в США? Это такое же государство, которое ради гонки вооружений пойдёт на всё. Затеряться в джунглях тропических стран? Впрочем, это то же, что исчезнуть в Сибири.

Итак, вывод – он, Лемешев, себе не принадлежит. Но у него модуль, который остаётся последним прибежищем. Надо его вернуть! За ним придёт Звия, красавица Звия! Только она должна стать его женой! Но получится ли?

Сергей хмуро встал, обошёл вагончик и быстрым шагом направился по следам уехавшего автомобиля. Сначала ровно, затем ускорил шаг и, не почувствовав ни малейшего намёка на усталость, побежал. Но не как обычный бегун на стадионе. Его шаги увеличивались по мере желания преодолеть за один толчок как можно большее расстояние. Он почти летел, слегка касаясь ногами земли. Бег приносил ощущение свободы, полета! Это было великолепно! Как теперь не жить в этом прекрасном мире! Может стать олимпийским чемпионом! Маленький Мук в сапогах-сорокоходах! Да, его бег был сказочным! Но управляемым ли? И Лемешев вдруг резко остановился. Прямо перед застывшим в ужасе пустынным зайцем. И вовремя.

Вдали, в трёхстах метрах от себя, он увидел машину Аликпера. Она не двигалась, буровой мастер обходил её кругами. Мастер взбрасывал руками, как это делают водители, которым неизвестно, почему такой надёжный транспорт отказывает, и почему не помогает небо в этом пустяшном деле?

В надежде кому-нибудь поведать о своём горе, Аликпер поднял голову и увидел Лемешева. Тот спокойно приближался к нему. Буровой мастер стал протирать глаза. Но москвич был реальностью и в руках за уши он держал зайца.

Аликпер забежал со стороны водителя, посмотрел на приборную доску. Расстояние было пять километров. Прошло девять минут! Он бросил своё тело внутрь, открыл бардачок. Шар был на месте. Но ведь этот шайтан-москвич шёл за ним, за этим шаром. И он обязательно отнимет его.

Аликпер поднял сиденье пассажира и вытащил из-под него пистолет. Тот был заряжен. Из десяти патронов лишь два он использовал вдали от буровой, стреляя вот по таким зайцам, что в руке этого шайтана. Мастер снял пистолет с предохранителя.

Но когда вышел, Лемешев уже стоял рядом с машиной.

– Уважаемый, – сказал он, – верните шар. Он мой.

– Нет! Ты должен спать, гяур! – воскликнул Аликпер.

– На меня теразин не действует. – Сергей протянул руку. – Шар!

– Ну, тогда, пули подействуют!

Раздались три выстрела подряд. Москвич даже не шелохнулся. Он протянул Аликперу руку, сжатую в кулак. И когда открыл его, на его ладони лежали три пули.

Другой рукой Лемешев подал Аликперу зайца:

– Бери, он уже совсем ручной.

– Шайтан! Ты шайтан, гяур!

Аликпер бросился на колени.

– Нет, ты сам Азраил! Пощади! Бери свой шар! Но не убивай! И он с возрастающим удивлением увидел, как этот небожитель, спустившийся на землю, протянул руку к открытой дверце машины. И к нему на ладонь лёг шар. Затем он быстро переключался в рюкзак москвича. Сергей пристально взглянул на мастера:

– Кому стал нужен модуль, Аликпер?

– Моим друзьям.

– Каким друзьям?

Мастер суетливо завертелся. Но под пристальным взглядом москвича кивнул головой на запад.

– Они далеко.

И вдруг он сел на песок рядом с машиной, обхватил голову руками и, покачиваясь из стороны в сторону, как китайский болванчик, разрыдался:

– Вай-вай, что будет со мной?

Что здесь скажешь? Судьба предателей везде одинакова: и свои не пожалеют, и наниматели не защитят...

23 часа 30 минут после вспышки. Колодец. Центральные Каракумы

Его уже искали. Когда он вышел из-за бархана с видом путешественника, внимательно знакомящегося с природой, облегченно вздохнули.

Солнце уже пригревало. Но Сергея это абсолютно не беспокоило. Он чувствовал необычайный комфорт. Он думал о том, что его новый организм всё-таки прихватил свойства человека будущего, потому что не чувствовал жары. Кожа не поддавалась загару и не меняла цвет.

Минут семь назад он уходил от Аликпера не спеша, раздумывая над своим положением. Мысли крутились о перемене профессии. Теперь ему можно запросто идти в разведку. Ведь он супермен.

Как бы в подтверждение этой мысли увидел убегающую лису. В несколько прыжков догнал её и стал бежать, петляя, как и она. Смеялся, пугая животное. А сам поражался собственной реакции. Все преграды на такой скорости он успевал обходить.

Когда он оказался перед высоким барханом, то не выдержал и прыгнул вверх. И не рассчитал, оказавшись по его другую сторону, зависнув над кустарником. Именно зависнув, потому что какая-то сила не давала ему приземлиться на колючки и предложила скольжение в сторону.

Он лёг на песок и сомкнул глаза.

Наставление

– Ты станешь мостиком, который свяжет две наши цивилизации. – Звия сидела рядом с ним на кровати в домике тигиона. Это было продолжение разговора, когда они на словах стали партнёрами в необыкновенном проекте. – То, что между нами произошло, изменит мир. Твой мир. И моё время изменится. Должно быть всё по-другому.

– Что же произойдёт? – спросил Сергей. Он был благодарен Звии за минуты блаженства и страсти.

– Я беременна, но ребёнка выносит и родит другая женщина. Как жаль, что это не я.

– Почему все так?

Сергей был рад и в тоже время не понимал всего.

– Рождение ребёнка после моего исчезновения. Это смерть. Но смерть во имя другой, лучшей судьбы, это не смерть. Хотя, о чём я? Да и счастлива я благодаря тебе. Я прожила с

десяток ваших жизней по времени, а хватило нескольких часов с тобой. Спасибо, мой любимый!

Сергей вспомнил, как он тупо смотрел на купол дома Звии, который золотился первыми лучами солнца. Это было солнце искусственного мира. Такие солнца всходят сейчас у миллионов не спящих в Саркофаге землян в их домах-тигионах.

Звия улыбнулась:

– Извини, я не удержалась, прочитала твои мысли. Я буду стараться больше не лезть в твою голову!

Он посмотрел на неё:

– Но всё это дико! – Сергей вскочил с кровати. – Вы не можете покорно исчезнуть.

– Это решение Великого Графиста, а значит и моего мира! Наша покорность ради расцвета человечества.

Пустыня

Он осмотрелся. Гребень бархана. Рядом пробежала ящерица. Затем послышалось более громкое шуршание. Увидел, как к его ноге подползает змея. Ни один мускул не дрогнул на лице, знал, что змея его не тронет. Та, словно увидела камень, прижалась к нему и, извиваясь, постаралась сбросить часть омертвевшей чешуи. Итак, он сверхчеловек, и прежнего Сергея больше нет!

От этой мысли его передёрнуло.

«Подожди, – сказал он себе, – но ведь чувства остались». Осталась и память о своём прошлом. Он помнит о матери и отце. И помнит более обострённо, чем это было всего несколько дней назад. Он помнит запахи детства, помнит слова родителей, помнит всё, словно с его мозга сняли плёнку. И чувства! Он по-прежнему любит Наденьку, хотя переспал уже со множеством женщин, и с одной из далёкого будущего. Виноваты её красота, её невинность. Звия не всколыхнула чувства любви, потому что сердце молчало.

Может быть, его реакция на близость самой страшной пустынной змеи – гюрзы – говорит о том, что он – камень. Но правда ли это?

Лемешев не знал, что ответ на этот вопрос придёт к нему в этот же день.

Встреча

Его приняли с восторгом. В нём видели человека, которому не страшны ни люди, ни природа, хотя толком и не знали, как это произошло. Да и сам он ощущал, прилив некой силы, дающей ему право быть абсолютно свободным и независимым. Внешне смысл этого чувства был в том, что не ужалила змея, не укусил варан, не хватил солнечный удар, не подействовала вчерашняя попойка.

Сергей обнялся с бригадиром, с инструктором и главным инженером, словно отсутствовал месяцы.

Когда они сидели за дастарханом и пили зелёный чай, раздался звук приближающегося вертолёт. Вскоре машина опустилась на площадку перед буровой вышкой. Открылась дверь, и из него второй по очереди вышла девушка в летнем сарафане, откровенно открывавшем её прекрасные белые плечи и стройные ноги. Инструктор ЦК Какагельды узнал в ней редактора отдела молодёжной газеты Марину Половцеву. Обуреваемый желанием выслужиться, бросив на прощание Сергею извинительный жест, поспешил к девушке под вихрь от лопастей вертолёт.

– Ай, какая неожиданная встреча! – залопотал он, пригибаясь от струй воздуха и стараясь перекричать шум винта. – Как вы кстати! Как вы узнали про нашего гостя?

– Ах вы недогадливый! Организовали приезд, так сказать, на мой объект коллеге из Москвы, а про меня забыли?

Марина слегка подтянула к себе Какагельды за галстук, словно опасалась, что инструктора поднимет на лопасти. И выглядели эти два человека как заговорщики.

– Я же два раза прилетала сюда, это мой объект.

– Вах-вах! Наша вина, драгоценная ханум, что мы ничего не рассказали вам о нашем госте! Но твой редактор? Это он всё сказал?

Какагельды умел быть по-восточному расторопным и услужливым. Он смекнул – не иначе, как здесь проявилась воля первого секретаря ЦК. Вертолёт – это не шутки!

Марина махнула рукой. Ну что теперь, мол, говорить, время ушло.

Какагельды, прекрасно разбиравшийся в тонкостях этикета бюрократии, вдруг почувствовал страх: ему пригрезилась страшная сила, исходящая от этой Половцевой. И он решил быть верным её рабом. Марина усмехнулась, поняв его состояние. Да, она здесь хозяйка положения! Она видела, как зорко следят за обстановкой первый и второй пилоты. Эти ребята обучены многому, не только водить летательные аппараты. Операция началась!

Лишь главный инженер Дурды оставался самим собой. Он радостно приветствовал Марину, решив, что москвичу прислали эту девушку для развлечения. И он представил её Сергею.

Марина первая протянула руку, и молодые люди обменялись приветствиями, с интересом разглядывая друг друга. Марина подумала, что москвич прекрасно выглядит для прилетевшего с северных широт, на него не подействовали ни постоянное движение, ни условия пустыни.

Очень красивый мужчина, смотрится свежо, молодо, не скажешь, что ему тридцать! Но каким он станет, если затаскают по кабинетам следствия? А это уже его ждёт... А ради чего поднят на ноги весь комитет республики?

– Не может быть! – неожиданно вырвалось у Сергея.

– Что не может? – ошарашено спросила Марина.

Сергей смутился от того, что проник в её мысли и вывернулся:

– Я не могу поверить в то, что такая красивая девушка уже не раз приезжала сюда!

Получилось напыщенно и грубо, мол, что ей здесь делать?

– Эта красавица уже спускалась в колодец два раза, – встал на защиту девушки Меред-ага.

Ему, как давнему знакомому, Марина пожимала руку с особым чувством.

– Да, я была здесь на отметке 170 метров. Вода даже и не предвиделась. Было сухо. А вот вам удача подвернулась!

– Если не было воды, почему не прекратили строительство? – поинтересовался Сергей.

– Меред-ага положил на чашу весов свой авторитет бригадира, – ответила Марина. – Здесь хорошие пастбища, дальше, в низине. А воды нет. Все в республике говорят о том, что вы были на дне колодца.

– Был, – ответил Сергей, – но откуда республика знает?

– Знает, – улыбнулась Марина. – Как вам там, не страшно было?

– Он герой! – вклинился в беседу Какагельды. – Мы хорошо отметили его спуск. Он хулиган, внизу слез с «парашюта». Хорошо, что всё обошлось.

– Вы делали внизу снимки?

– Да, старался, но не получилось, – виновато развёл руками Сергей. – Плёнку мне проявил буровой мастер, но она оказалась засвеченной.

– Жалко. Так вы и поднялись с пустыми руками?

– Да, можно сказать, – ответил Сергей.

– Тогда я спущусь по вашим следам сама! И сделаю для вас фотоснимок. Может, мне повезёт? Поможете, Меред-ага?

– Нет, не помогу. Я вчера закрепил стены. Пока сохнут, вниз нельзя, – ответил бригадир. – Стала собираться вода. Через недели две будем готовить колодец к приёму.

– А что Сергей, много вам напортил? – не отступала девушка.

– Полтонны песка высыпалось, – ответил Меред-ага. И добавил: – Наш гость в счастливой рубашке, как говорят русские, родился!

– Ну-ка, ну-ка...

Марина осмотрела рубашку Сергея. На ней не было ни пятнышка, от неё исходила невероятная свежесть.

– Как это у вас получается? – удивилась девушка. – И песок не задел, и в ближайшую прачечную успели сбегать? И кто-то здорово утюгом поработал? Фантастика! Это в Москве сейчас так стирают и подглаживают?

Сергей заметил помощника пилота, который напряжённо вслушивался в их разговор.

Именно в это время Марина оглянулась на него. Произошёл мгновенный обмен взглядами.

– Хорошо, я тогда просто подготовлю свой материал, у меня есть снимки с меньшей глубины. А вы мне расскажете, как там на 220 метров. Вы со мной поделитесь или всё увезёте в Москву? – настойчиво вела свою линию девушка.

– Тогда мы сможем вернуться сегодня же в Ашхабад? – тут же вступил в беседу помощник пилота. Он был похож на атлета, которому хотелось немного позабавиться пудовыми гириями. Мышцы играли, взгляд прошивал всё подряд...

– Да, похоже, мы скоро вернёмся, – ответила Марина.

Но этого не произошло. События стали развиваться совершенно неожиданным образом.

24 часа после вспышки. Колодец. Центральные Каракумы

И гости, и строители уже больше часа сидели в кибитке, ожидая, когда Марина наговорится со строителями, наснимает вдоволь фотоаппаратом.

Солнце в пустыне стало огромным. Его красный овал, ставший живым под испарениями песка, был виден в открытую дверь.

К вечеру сразу же повеяло прохладой. Пустыня резко теряла тепло.

Говорили о всяком. Когда в кибитку вошла Марина, Сергей снова рассказывал о московской жизни. Он говорил интересно, с живым юмором.

– У меня есть хороший знакомый Борис Велицын. Он знает всех артистов и знаменитостей страны. Через него я познакомился с Владимиром Ивановым и его милой супругой, бывшей медсестрой, когда артист лежал в госпитале.

– Это он играл Олега Кошевого в фильме «Молодая гвардия»? – живо спросила Марина.

– Да, и вёл на протяжении многих лет дневниковые записи. Некоторые мне показывал. Например, про сына Сталина Василия. Бесшабашный был гуляка и не мог обходиться без любимого им артиста. В каких только ресторанах их не видели вместе... Но больше в «Астории». Вот приглянулся, и всё тут!

На пороге появился Виктор.

– Я получил по радиации предупреждение, – сказал он, выразительно вглядываясь в Марину, не пора ли, мол, перейти к более решительным действиям, – нам дают всего два часа. Машину нужна высокому начальству.

– Раз так необходимо... – раздумчиво сказала Марина.

– Присоединяйтесь к нашему столу! – пригласил пилота Какагельды. – Мы тут Марину уговариваем остаться на ночь. Улетайте, а утром мы все уместимся в вашем вертолёте.

– Решайте, как хотите, – сказал атлет-вертолётчик. – Я присмотрел тут вагончик для вас. Он не закрыт?

– В песках ничего не закрывают, дорогой, – сказал бригадир. – Нет, не закрыт.

Марина села с Лемешевым рядом на пол, и он стал ухаживать за ней. Девушка старалась, чтобы её ноги, в меру полные, стройные и оголённые в таком положении почти до трусиков, были повернуты к нему коленями. Выходило так, что она просто прижималась ими к Лемешеву.

Он же скрестив свои на турецкий манер, сидел гордо, не шелохнувшись, как истинно восточный человек.

– Где вы так этому научились? – с восхищением, тихо спросила Марина.

Но шёпот не получился, все услышали.

– А ведь вчера наш гость маялся, как ему лучше сесть, – покровительственно похлопал Дурды по плечу Лемешева. – А сейчас сидит, как истинный падишах. Это в колодце так тренируют?

Все засмеялись.

Сергей шепнул Марине:

– Чего смеются? Я был там убит.

– Ну и шуточки у вас!

Марина потянулась за виноградом, который привезла с собой. Она чуть привстала и невольно все взгляды мужчин обратились на её оголённые белые бёдра.

«Надо было взять с собой подругу, – подумала она. – Они же меня глазами сто раз изнасиловали. Что этот инструктор, бабник, что инженер, что все строители, давно, что ли, не выдавшие жён? Только москвич выдерживает такт. Да, он ещё тот мужчина! А может атлет-импотент?»

– Расскажешь мне после про своё воскрешение, – шепнула она, перейдя на «ты» и громко добавила, – Сергей, пойдём, прогуляемся.

Они поднялись и вышли за дверь. Навстречу шёл Виктор. Он кивком головы подозвал Марину. Хотя они стояли в десятке метров от Сергея, он слышал, о том, что осмотр колодца ничего не дал, плёнка, действительно, была проявлена, но валялась засвеченной в вагончике Аликпера. Специалисты определяют, что испортило чувствительный слой. Может смогут и восстановить. Пора докладывать в центр.

Даже когда они пошли к вертолёту, Сергей, не напрягаясь, а это было почти тридцать метров, слышал, как она передавала по рации: «Контакт установлен. Осмотр колодца показал, что радиации нет, стенки не оплавлены. Некое круглое тело находится в рюкзаке Лемешева. Во время следующего сеанса доложу подробнее, что это. Возможен вылет ночью».

Откровение мужчины

Марина вернулась к москвичу, и они ушли в пустыню. Надолго. Ветер, дующий с запада, постоянно играл с сарафаном девушки, задирая его, словно нетерпеливый любовник. И она механически поправляла его.

– Да сними ты сарафан! – смеясь, предложил Сергей.

– Да? А это идея, почему бы и нет! – сказала девушка. – На мне купальник.

Они уже прошли первый бархан и направлялись ко второму, менее высокому, но более объёмному в диаметре. Марина отстала.

Сарафан был сброшен, и Сергей по достоинству оценил фигуру Марины, когда она его догоняла, легко преодолевая сыпучий песок. Конечно, в её теле не было безукоризненных пропорций, но девушка казалась более живым человеком, чем Звия.

– Так о каком собственном воскрешении ты мне говорил? – спросила девушка, несколько не запыхавшись. С физическим состоянием у неё был порядок.

Это был тот вопрос, ответ на который должен был расставить всё по своим местам. Сергей выбрал честное признание, пусть нелепое и фантастическое...

– Марина, я видел, как перевернулся мир. В буквальном смысле.

– Что это значит? Это связано с тем, что ты носишь в рюкзаке?

– Да, и благодаря модулю я воскрес.

– Не понимаю. Ты серьёзно?

– Я тебе всё расскажу, но не потому, что ты агент КГБ.

Марина с изумлением, но сердито посмотрела на него,

– Ты же не отстанешь. Это ясно. Но, предупреждаю, тогда и у тебя изменится жизнь, и возврата к прошлому не будет. Так мне кажется. Скажу, что я не тот человек, который жил в Москве, и не тот, что летел сюда, в Каракумы, на вертолёт, и даже когда спускался в колодезь.

Я тот, кто пережил свою смерть, даже не заметив этого. Последние сутки представляются мне сном с перерывами. Если я тебе все расскажу, то и ты переживёшь нечто похожее, пусть не смерть, но прежней никогда не станешь! Согласна?

«Чепуха, – подумала девушка, – он или искренен, но тогда любит читать фантастические рассказы, или хитёр. Он же вычислил меня. Неужели он мой враг, враг моей страны, враг моей жизни?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.